

**Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан**

**Андижанский государственный университет
имени З.М.Бабура**

Кафедра филологии

На правах рукописи

Каримходжаева Наргиза Назиржоновна

Выпускная квалификационная работа

**«Сопоставление басен И.А.Крылова и восточных
баснописцев»**

**Выполнена для получения академической степени бакалавра по
направлению 5142200 – Родной язык и литература (русский язык и
литература в иноязычных группах)**

**Научный руководитель:
старший преподаватель Богданович Г. А.**

Андижан 2014

«Рекомендую к защите»

Научный руководитель:

ст. преп. Богданович Г.А.

« ____ » _____ 2014

«Даю разрешение на защиту»

Заведующая кафедрой:

д.ф.н. проф. Шахобиддинова Ш. Х.

« ____ » _____ 2014

«Рекомендую к защите»

Рецензент:

.

« ____ » _____ 2014

«Представляю к защите на Государственную аттестационную комиссию»

Декан факультета:

д.ф.н. проф. Куронов Д.

« ____ » _____ 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....4

Глава I. История возникновения и особенности жанра басни	
1.1. Истоки басни	8
1.2. Античная басня	9
1.3. Восточные басни	11
1.4. Жанровые особенности басни	14
1.5. Басня в западноевропейской литературе XVI – XVII вв.....	18
1.6. Басня в русской литературе XVIII – XX вв.....	19
Выводы по главе I.....	23
Глава 2. Вклад И. А. Крылова в развитие русской басни	
2.1. Первые литературные опыты	25
2.2. Публицистическая деятельность	28
2.3. Басня — излюбленный жанр Крылова	34
Выводы по главе II.....	46
Глава 3. Басня как средство связи культур Востока и Запада	
Басня как средство связи культур Востока и Запада.....	48
Выводы по главе III.....	56
Заключение.....	59
Список литературы.	65

Введение

Принятые по инициативе Президента Ислама Каримова Закон *“Об образовании”* и *«Национальная программа по подготовке кадров»* служат важным фактором овладения молодежью глубокими знаниями, полной реализации ее дарований и потенциала, обретения достойного места в обществе. Узбекские юноши и девушки имеют возможность получить образование на уровне современных требований, овладеть востребованной профессией не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сегодня, по данным ООН, расходы, направляемые на образование, в Государственном бюджете Узбекистана составляют более 35 процентов. Об этом 15 мая 2014 года заявил президент Ислам Каримов в ходе открытия международной

конференции *«Историческое наследие ученых и мыслителей средневекового Востока, его роль и значение для современной цивилизации»* в Самарканде.

Ислам Каримов отметил, что *"не случайно по результатам проведенного в 2012 году Всемирной организацией интеллектуальной собственности и одной из ведущих международных бизнес-школ «ИНСЕАД» исследования по уровню развития человеческого капитала Узбекистан занял пока 53-е место среди 141 страны мира, а по уровню развития системы образования, в том числе доле средств, выделяемых на образовательные цели, организаторы исследования поместили нашу страну на 5-е место в мире"*.

"Мы благодарны, что объективные люди сделали объективные выводы. Мы даже не знали, что есть такой центр, который занимается подобными обобщениями и исследованиями. Думаю, что такие исследования полезны сами по себе, и мы будем стремиться добиться еще более высоких рубежей", - добавил президент¹.

По данным, озвученным И.Каримовым, за годы реформ число высших учебных заведений в стране выросло в 2 раза, и сегодня в 60 университетах и институтах обучается более 230 тысяч студентов. В Узбекистане успешно действуют филиалы ряда ведущих вузов Европы и Азии, таких, как Вестминстерский университет, Сингапурский институт развития менеджмента, Туринский политехнический университет, Российский университет нефти и газа, Московский государственный университет, Российский экономический университет.

В настоящее время Национальным университетом, Академией наук Узбекистана совместно с ведущим вузом *Великобритании – Кембриджским университетом* создается учебно-экспериментальный *«Центр высоких технологий»*.

С сентября 2014 года начнет свою деятельность в нашей стране филиал южнокорейского университета *«Инха»*, направлением обучения в котором станут информационно-коммуникационные технологии, компьютерный инжиниринг.

Тысячи представителей молодежи Узбекистане сегодня получают образование в ведущих университетах Японии, Германии, Южной Кореи, Китая, Великобритании, США, Франции и других стран.

В ходе реализации *Закона «Об образовании», «Национальной программы по подготовке кадров» и «Государственной общенациональной программы развития образования»* создана уникальная национальная модель непрерывного образования,

---

¹ CA-NEWS (UZ) (электронный портал новостей Узбекистана) <http://www.ca-news.org/news:1111099/>

отвечающая требованиям времени и условиям обеспечения последовательного прогресса страны во всех сферах и отраслях, которая получила признание во всём мире. Сформирована прочная материально-техническая база, подготовлены квалифицированные педагогические кадры, разработаны новые государственные образовательные стандарты и учебно-методическая литература, необходимые для эффективной работы этой системы.

В Республике Узбекистан на современном этапе первостепенными являются задачи формирования гармонически развитой личности, её нравственного и духовного воспитания. В решении этих задач большая роль принадлежит педагогическим кадрам. Успех в работе во многом будет зависеть от того, насколько сегодняшний студент овладеет необходимыми знаниями.

Одним из приоритетных направлений системы образования на данный период остаются филологические дисциплины. Ведущей из них является литературоведение. В свете развивающихся и укрепляющихся отношений между нашей страной и Российской Федерацией особое значение приобретает изучение русской литературы. Классическим периодом русской литературы является начало XIX века – *«золотой век»* русской литературы.

Тема данной выпускной квалификационной работы – сопоставление басен И.А.Крылова и восточных баснописцев

Актуальность работы: Басни И.А.Крылова изучаются в средней школе, они по сей день являются неиссякаемым материалом для научных изысканий современных литературоведов. В свете изменений в литературной жизни Европы и Азии последних лет и происходящей переоценки ценностей становится необходимым осмыслить и по-новому оценить известные нам ранее факты, связанные с историей создания басен Крылова.

Цель исследования: проанализировать влияние Востока на творчество И.А. Крылова.

Задачи работы. В своей работе мы ставим перед собой следующие задачи:

- ✓ осветить историю возникновения жанра басни;
- ✓ изучить жизнь и творчество И. А. Крылова;
- ✓ выявить связь Востока и Запада;

Предмет и объект исследования: Восточные басни и басни И.А. Крылова.

Методологической основой нашей работы являются труды М.Гаспарова, В.Ф Кеневича, других исследователей по изучению басен И.А. Крылова и восточных авторов.

Научная значимость исследования состоит в выведении роли Востока в творчестве И.А. Крылова, общности характеров персонажей в восточных и западных баснях.

Практическая ценность состоит в возможности использования материалов исследования на занятиях по русской литературе в общеобразовательных школах, профессиональных колледжах и академических лицеях.

Структура исследования обусловлена спецификой его предмета, целью и последовательностью реализации поставленных задач. Настоящая дипломная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Первая глава - теоретическая, в ней рассматривается история возникновения жанра басни, вторая глава - практическая - в ней изучается жизнь и творчество И.А. Крылова, третья глава аналитическая - в ней анализируются образы и мотивы, общие как для Востока, так и для Запада.

В **заключении** подводятся итоги работы.

Глава I. История возникновения жанра басни

1.1. Истоки басни

М. Л. Гаспаров в своей работе «*Басни Эзопа*» о предпосылках появления басни пишет: *«Когда первобытный человек впервые почувствовал себя человеком, он оглянулся вокруг себя и впервые задумался о мире и о себе. По существу это было два вопроса: теоретический и практический... Теоретический вопрос гласил: как устроен этот мир? Практический вопрос гласил: как должен вести себя в этом мире человек? На первый вопрос человек отвечал мифом. На второй вопрос человек отвечал себе басней... Наряду*

с мифом басня была одной из древнейших форм мышления и одним из древнейших жанров словесного искусства»².

В литературном энциклопедическом словаре сказано, что элементы басенного жанра присутствуют в фольклоре всех народов, но устойчивую жанровую форму басня приобрела в греческой словесности (VI в. до н.э.).

Существуют две концепции происхождения басни. Первая представлена немецкой школой *Отто Крузиуса, А. Хаусрата* и др., вторая – американским учёным *Б.Э.Перри*. *Согласно первой концепции*, в басне первично повествование, а мораль вторична; басня происходит из сказки о животных, а сказка о животных – из мифа. *Согласно второй концепции*, в басне первична мораль; басня близка сравнениям, пословицам и поговоркам; как и они, басня возникает как вспомогательное средство аргументации.

Филологов XIX в. долго занимала полемика о приоритете греческой или индийской басни. Теперь можно считать почти несомненным, что *общим истоком материала греческой и индийской басни была древнейшая шумеро-вавилонская басня*. Однако материала об этих баснях отыскать не удалось, поэтому, присоединяясь к мнению большинства учёных, начнём проследивать историю жанра с античности.

1.2. Античная басня

Со времен античности и до наших дней басня служит образцом житейской мудрости, средством обучения и формой сатиры. На ранних ступенях человеческой цивилизации сказки о животных воспринимались буквально; басня как литературный жанр возникла лишь тогда, когда в животных стали видеть символы людских достоинств и пороков.

В Греции все басни обычно приписывали *Эзопу*, якобы выходцу из Фригии, жившему в VI в. до н. э. Первые рукописные сборники басен, составленные *Деметрием Фалерским* (ок. 300 до н. э.) и другими авторами, до нас не дошли. Большинство сохранившихся прозаических сборников «эзоповых басен» являются переработками позднеантичного и византийского времени. Стихотворные переложения этих басен на латинском языке сделал *Федр (I в.)*, на греческом – *Бабрий (II в.)*. Около V в. был сделан прозаический пересказ басен Федра под заглавием «*Ромул*»; со многими дополнениями, испытав более 12 переработок, он донес эзоповскую традицию до средневековой Западной Европы и впервые был напечатан в 1476. Латинские басни переводились на многие европейские языки.

---

² Басни Эзопа / Пер., статья и коммент М.Гаспарова. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1992, стр.16.

Эзоп (середина VI в. до н.э.) – наиболее известный древний баснописец, чьи произведения стали классическими и неоднократно переводились на языки мира. Их сюжеты послужили основой для творчества многих литераторов последующих эпох. Эзоп – полупоупендарная личность, о жизни которого ходило много рассказов, в которых смешивались правда и вымысел. Традиционно его родиной называют Фригию – область в Малой Азии. Считается, что он был рабом, несколько раз переходившим от одного хозяина к другому и перенесшим много злоключений. Именно с его именем связано понятие «эзопова языка».

Известно немало рассказов о его отношениях с хозяином *Иадмоном*, многие из которых в свою очередь напоминают басни. Кроме того, существует история о гибели Эзопа, несправедливо обвиненного в краже драгоценного сосуда в *Дельфийском храме* и побитого за это камнями. Через некоторое время его невиновность была установлена и потомкам Иадмона была даже выплачена компенсация за гибель их раба. Ученые усматривают в этом рассказе отголоски исторической реальности. Очевидно, жрецы Аполлона в Дельфах сначала враждебно относились к распространению басен, но затем признали право этих произведений на существование.

Басни Эзопы были написаны прозой, остроумно, ясно и просто. Произведения фригийского раба или приписывавшиеся ему составлялись в сборники под названием «*Эзоповы басни*». Их переписывали, изучали в школах, разучивали наизусть. Басни Эзопы стали одним из самых популярных произведений в античном мире. Их сюжеты оказали влияние на сирийскую, армянскую, арабскую, еврейскую, индийскую литературу.

Эзоп. Орел и жук.

Орел гнался за зайцем. Увидел зайца, что ниоткуда нет ему помощи, и взмолился к единственному, кто ему подвернулся, — к навозному жуку. Ободрил его жук и, увидев перед собой орла, стал просить хищника не трогать того, кто ищет у него помощи. Орел не обратил даже внимания на такого ничтожного заступника и сожрал зайца. Но жук этой обиды не забыл: неустанно он следил за орлиным гнездовьем и всякий раз, как орел сносил яйца, он поднимался в вышину, выкатывал их и разбивал. Наконец орел, нигде не находя покоя, искал прибежища у самого Зевса и просил уделить ему спокойное местечко, чтобы высидеть яйца. Зевс позволил орлу положить яйца к нему за пазуху. Жук, увидав это, скатал навозный шарик, взлетел до самого Зевса и сбросил свой шарик ему за пазуху. Встал Зевс, чтобы отрясти с себя навоз, и уронил ненароком орлиные яйца. С тех самых пор, говорят, орлы не вьют гнезд в ту пору, когда выводятся навозные жуки.

Басня учит, что никого не должно презирать, ибо никто не бессилен настолько, чтобы не отомстить за оскорбление.

1.3. Восточные басни

Большое влияние на мировую литературу оказали также восточные басни, прежде всего созданный в III-IV вв. н.э. в Индии сборник на санскрите **«Панчатантра»**. Традиция называет автором этой книги мудреца **Вишнушармана**, написавшего ее для обучения царских сыновей. Животные, действующие в «Панчатантре», олицетворяют различные человеческие качества. Предполагается, что на таких доступных примерах Вишнушарман должен был знакомить принцев с жизнью разных слоев общества и с различными ситуациями, выпадающими на долю людей.

В Индии некоторые буддийские рассказы, относящиеся к жанру *джатака*, напоминают греческие басни; без сомнения, индийская и греческая традиции кое-что заимствовали друг у друга. **«Панчатантра»** – сборник коротких рассказов (большей частью о животных), объединенных изысканной рамочной композицией, была написана как наставление для царевичей. Санскритский текст этой книги был переведен на староперсидский, а в VIII в. с этой редакции был сделан арабский перевод, названный **«Калила и Димна»** (по именам шакалов, действующих в первой главе) и получивший очень широкое распространение. Около 1270 года еврейская версия «Панчатантры» была переведена **Иоанном Капуанским** на латинский язык. Благодаря его книге «Руководство для человеческой жизни» (*Directorium Vitae Humanae*) европейцы познакомились со многими восточными баснями.

Арабская версия книги попала в Европу благодаря ее переводу в XI в. на греческий язык. В греческом варианте книга называлась **«Стефанит и Ихнилат»** — то есть «Следопыт и Увенчанный». Это был не совсем точный перевод арабских имен «Калилы и Димны».

Ранний Индийский эпос — **«Махабхарата»** и **«Рамаяна»**, содержат басни как вставные элементы в основной сюжет.

«Панчатантра». Голубь и голубка.

И говорят ведь:

Когда ночной уходит гость без крова и без ужина —

Все заберет, что за добро хозяином заслужено!

Ты птицелова не кляни за то, что погубил меня:

Детей, быть может, в оны дни моим пугали именем!

Потому что:

Все наши беды, и труды, и все земные бедствия —

*От древа древности плоды и плод дают впоследствии...
Хотя уходим мы во тьму – свои разум устреми к добру!
Откинь же ненависть к нему — произнеси приветствие!»
Услышав праведную речь.
Уже и голубь наш не стал
Гнездо ненужное стеречь,
А смело вышел и сказал:
«Привет тебе, мой дорогой!
О бедный! О промокший весь!
Дороги не ищи другой:
Убежище твое — вот здесь!»
«Прими меня и обогрей!» —
Птицеубийца отвечал...
И голубь полетел скорей
И где-то огонек достал.
Он поскорей зажег костер,
Сухие листья подложив.
«Присядь! Доверься. Будешь жив.
Не обессудь. А мне — позор!
Ведь пусто у меня в гнезде!
Чем гостя угостить, любя?
Кто может — кормит тысячи,
А я с трудом кормлю себя...
Ах, дом лишь, тяготы несет
И может видом укорить
Того, кто гостя одного
Не в состоянье накормить!
Но все ж судьбу благословим,—
И не останусь я в долгу,
Ведь мясом собственным своим
Я гостя накормить могу!»
Так молвил, гостя не браня...
И, просияв, как божество,
Он обошел кругом огня,
И что же? — Ринулся в него!*

*Но что с охотником, что он
Заплакал, мучась, обо всем?
Куда больнее, чем огнем,
Был состраданьем опален!*

«*Панчатантра*» широко распространилась по всему восточному миру. Она была переведена на персидский, арабский и другие восточные языки. Особое значение получили персидский (VI в. н.э.) и арабский (VIII в. н.э.) переводы, превратившиеся уже в самостоятельную книгу «*Калила и Димна*».

Греческий текст через Византию проник в восточно-европейские страны, и, в частности, был известен в Древней Руси. В XIII в. «Калила и Димна» была переведена на испанский и древнееврейский языки, позже — на латинский и немецкий, в XVI в. — на английский и французский. Сюжеты индийских басен стали известны европейцам и неоднократно использовались баснописцами нового времени.

В эту же эпоху на Ближнем Востоке получают распространение басни входящие в сборник «*Тысяча и одна ночь*».

1.4. Жанровые особенности басни

М. Л. Гаспаров в работе «Басни Эзопа» даёт два самых ранних определения басни, ставшей, по его словам учебной литературой в школах Греции и Рима.

- 1) «Басня есть вымышленный рассказ, являющий образ истины».
- 2) «Басня есть риторический рассказ, по существу вымышленный, по убедительности же склада являющий образ истины и сочиняемый с целью поучения и пользы»³.

Таким образом, определяем три самых существенных содержательных признака жанра, закрепившихся за классической басней:

- 1) повествовательность;
- 2) вымышленность;
- 3) назидательность.

По содержанию и системе персонажей М. Гаспаров различает также три вида басен:

- 1) басни, в которых действуют животные (или растения);
- 2) басни, в которых действуют люди;
- 3) басни, в которых действуют и те, и другие.

---

³Басни Эзопа / Пер., статья и коммент М.Гаспарова. – Новосибирск: Новосибирское 16. книжное издательство, 1996, стр. 27

Басни о животных часто называли *эзоповыми*, а басни о людях – *сибаритскими*.

Композиционно любая басня делится на две части:

- 1) собственно рассказ, *повествование*;
- 2) назидание, нравоучение или, как принято называть в современном литературоведении, *мораль*.

Мораль в басне определялась, по словам М. Гаспарова, как «сентенция (от лат. *sententia* «изречение нравоучительного характера»), прибавляемая к басне и разъясняющая в ней полезный смысл.

Мораль, поставленная в начале басни, называется *«промифий»*, мораль в конце басни – *«эпимифий»*. Эпимифий предпочтительнее, чем промифий: «ведь юноши, считая себя взрослыми, уклоняются от откровенных поучений; и вообще ясно, что полезный смысл басни станет показательнее, будучи высказан после неё; если же мораль, будучи поставлена спереди, уже оказывает воздействие на души юношей, то оказывается излишней сама басня»⁴.

Повествовательная часть басни также имеет чёткую структуру басенного сюжета. Эта структура нашла своё законченное выражение в нехитрой схеме: *«Некто захотел нарушить положение вещей так, чтобы ему от этого стало лучше; но когда он это сделал, оказалось, что ему от этого стало не лучше, а хуже»*. Схема почти всегда одна и та же – четырёхчастная:

- 1) экспозиция;
- 2) замысел;
- 3) действие;
- 4) неожиданный результат.

Например, гусыня несла человеку золотые яйца, ему этого было мало; он зарезал её, но вместо золота нашёл в ней одни потроха. Или галка жила в неволе, это было ей в тягость, она улетела на своё дерево, но запуталась верёвкой в ветвях и погибла. Или верблюд увидел, как бык чванится своими рогами, позавидовал ему, стал просить у Зевса рогов и для себя, но в наказание и ушей лишился. Меняются только мотивировки в «замысле»: для человека – жадность, для галки – свободолюбие, для верблюда – тщеславие. Чаще всего мотивами выступают жадность и тщеславие, затем самосохранение, страх.

Чем постояннее и отчётливее схема действия, тем меньше важности представляют индивидуальные особенности его исполнителей. Поэтому не удивительно, что персонажи

---

⁴ Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. — М., 1995, стр. 97

басен – животные и люди – очерчены в них очень бегло и бледно. Персонажи басни – фигуры вполне условные. Они носители одной очень чёткой характеристики.

В. Г. Белинский так рассуждает об этом: «*Действующими лицами в басне бывают обыкновенно или животные, лишённые рассудка, или творения неодушевленные. Полагаю тому ... причины. Первая: особенность характера, которою каждое животное отличено одно от другого... Тот мир, который находим в басне, есть некоторым образом чистое зеркало, в котором отражается мир человеческий. Животные представляют в ней человека, но человека в некоторых только отношениях, с некоторыми свойствами, и каждое животное, имея при себе свой неотъемлемый постоянный характер, есть, так сказать, готовое и для каждого ясное изображение как человека, так и характера, ему принадлежащего. Вы заставляете действовать волка — я вижу кровожадного хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу льстеца или обманщика, — и вы избавлены от труда прибегать к излишнему объяснению. Второе: перенося воображение читателя в новый мечтательный мир, вы доставляете ему удовольствие сравнивать вымышленное с существующим (которому первое служит подобием), а удовольствие сравнения делает и саму мораль привлекательною. Третье: басня есть нравственный урок, который с помощью скотов и вещей неодушевленных даёте вы человеку; представляя ему в пример существа, отличные от него натурою и совершенно для него чуждые, вы щадите его самолюбие, вы заставляете его судить беспристрастно, и он нечувствительно произносит строгий приговор над самим собою»⁵.*

Итак, Белинский говорит о следующей важной жанровой особенности басни – её аллегоричности. **Аллегория** (от греч. «иносказание») – тип образности, основой которого является иносказание: запечатление умозрительной идеи в предметном образе. Аллегорический язык, иносказательность не случайно носит название эзопова языка.

Ещё одна жанровая особенность басни – демократичность, доступность и простота языка.

Таким образом, **басня** – жанр дидактической поэзии, короткая повествовательная форма, сюжетно законченная и подлежащая аллегорическому истолкованию как иллюстрация к известному житейскому или нравственному правилу. В чём же отличие басни от близких ей притчи и аполога?

Аполог (от греч. «рассказ, басня») – краткий нравоучительный иносказательный рассказ, преимущественно построенный на аллегорическом изображении животных и растений. Стихотворные апологи – басни-четверостишия во французской и русской

---

⁵ В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., 1995, Стр.575

поэзии рубежа XIII-XIX вв. Вот один пример аполога русского поэта И.И.Дмитриева (1767-1837):

*Простой цветочек, дикой
Нечаянно попал в один пучок с гвоздикой;
И что же? От неё душистым стал и сам. —
Хорошее всегда знакомство в прибыль нам.*⁶

Притча – дидактико-аллегорический жанр литературы, близкий басне. В отличие от неё форма притчи :

- 1) возникает в некотором контексте;
- 2) допускает отсутствие развитого сюжетного движения;
- 3) с содержательной стороны тяготеет к глубинной «премудрости» религиозного и моралистического порядка

Надо заметить, что применительно к литературе до XIX века наименования притча, аполог, басня употреблялись как синонимы. Например, *басни Сумарокова* традиционно именуют притчами.

От притчи или аполога басня отличается законченностью сюжетного развития. Аполог отличается краткостью, а притча чаще всего прозаична и в большей степени дидактична.

1.5. Басня в западноевропейской литературе XVI – XVII вв.

С XVI в. басни сочинялись и публиковались на всех западноевропейских языках. Во Франции вышли в свет сборники *Жюль Коррозе (1542)*, *Гийома Одана (1547)* и др. В Германии — *Ганса Сакса, Эразма Альберта и Бурхарта Вальдуса*. В Италии на латинском языке писал басни *Габриэле Фазрно, Дж.М.Вердицотти*—на итальянском (1570).

Безусловно, самым знаменитым из западноевропейских баснописцев является *Жан де Лафонтен (1621-1695)*. Этот французский поэт большую часть своей жизни провел в Париже, пользуясь благами, предоставлявшимися ему знатными вельможами. Одно время Лафонтен был близким другом реформаторов французской литературы — драматургов *Мольера и Расина* и поэта и теоретика *Буало*, что, несомненно, повлияло на его литературные взгляды.

Несмотря на свою популярность в придворных кругах, ко двору Лафонтен так и не получил доступа, так как *Людовика XIV* раздражал его беззаботный характер и полное пренебрежение как служебными, так и семейными обязанностями. Мнение государя

---

⁶ 11. М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, М., 1999, стр. 121.

помешало и официальному признанию Лафонтена — он был избран членом Французской академии только в конце жизни, в 1684.

Все это не умалило влияния, оказанного Лафонтеном на развитие жанра басни. Впервые его сочинения были изданы в 1668 под названием «Басни Эзопа», переложенные в стихах господином ном де Лафонтеном. Позже автор дополнял и расширял это издание. Его последняя прижизненная версия, появившаяся в 1694, состоит из 12 книг. В своих ранних произведениях Лафонтен следовал сюжетам Эзопа, действительно пересказывая в стихах нравоучительные басни греческого автора. Постепенно он выработал совершенно новый подход. Нравоучение не являлось его главной целью.

Куда важнее для него было выразить собственные чувства или настроения. Отсюда многочисленные лирические отступления и философские размышления в его баснях. Лафонтен продемонстрировал все возможное разнообразие человеческих типов и жизненных ситуаций, избегая при этом прямого нравоучения и предпочитая обращаться не к назидательным, а к забавным или трогательным сюжетам. Мастерское владение языком, умелое балансирование между изображением обобщенного человеческого типа и обрисовкой характера конкретного животного, разнообразие поэтических форм — все это обеспечило басням Лафонтена многовековую славу.

Из английских баснописцев стоит особо отметить двоих. **Р.Л'Эстранж** написал пятьсот прозаических басен, впервые опубликованных в 1692 и потом неоднократно переиздававшихся. Сюжеты он заимствовал у своих предшественников, но *«размышления»*, которыми заканчивалась каждая басня, выражали его личные мнения (главным образом по политическим вопросам). В 1727 **Д.Гей** опубликовал пятьдесят басен в стихах, большей частью на оригинальные сюжеты. В Англии время от времени появлялись басни в форме памфлета, обычно анонимного. Они представляли собой политическую сатиру, примером которой может служить «Эзоп в Танбридже» (Aesop at Tunbridge, 1698).

XVIII в. подарил миру целую плеяду баснописцев. В Германии наибольшего успеха в этом жанре достиг **Г.Э.Лессинг**, чьи басни со вступительной статьей *«Исследование о басне»* (Abhandlungen ber die Fabel) вышли в свет в 1759.

Многочисленные французские баснописцы XIX в. по-прежнему писали в манере эпохи Просвещения. Однако в Италии популярный поэт **Трилуцца (1871–1950)** создал басни на современном римском диалекте.

1.6. Басня в русской литературе XVIII – XX вв.

В русской литературе было создано много басен — особенно в XVIII — первой половине XIX вв., хотя и в средневековой Руси были известны и любимы как упоминавшиеся выше «*Стефанит и Ихнилат*», так и басни *Эзопа*. Известно, что в XVII в. в России читали жизнеописание Эзопа, содержащее множество замысловатых анекдотов и сопровождавшееся иллюстрациями. В XVIII в. это жизнеописание уже издавалось в виде лубочной книги.

Однако настоящее развитие жанра басни произошло, естественно, в *последпетровскую эпоху*. Первым литератором XVIII в., написавшим шесть подражаний Эзопу, был **Антиох Кантемир (1708-1744)**. В это же время **В.К.Тредиаковский (1703-1769)** издал «*Несколько Эзоповых басен для опыта*» гекзаметрами. После Кантемира и Тредиаковского басня стала одним из любимейших жанров поэтов XVIII в. Много басен было написано **А.П.Сумароковым (1718-1777)**, который называл их *баснями-притчами*. Всего им было создано 334 басни, часть из которых являются вольным переводом Лафонтена, однако большинство — оригинальные произведения. Сумароков, подобно Лафонтену, раздвинул рамки басенной традиции, превратив свои произведения в живые бытовые сценки и разработав для них новую для русской литературы форму — вольный стих, созданный на основе разностопного ямба.

Следующей ступенью в развитии русской басни стало творчество **И.И.Хемницера (1745-1784)**. Он также переводил произведения Лафонтена и немецкого баснописца Геллерта. Кроме того, им было создано множество собственных басен, впервые изданных анонимно в 1779 под названием «*Басни и сказки NN в стихах*». Имя автора обнародовали уже после его смерти, когда впервые в 1799 была издана книга «*Басни и сказки И.И.Хемницера*». Хемницер еще следовал эстетике классицизма, но он постепенно отходил от традиционной басенной нравоучительности и, в духе развивавшегося во второй половине XVIII в. сентиментализма, стремился быть в своих сочинениях чувствительным и ироничным. Вслед за Сумароковым он использовал разностопный стих, считавшийся наиболее подходящим для комических сочинений.

Басни **И.И.Дмитриева (1760-1837)** хотя и уступают в художественном отношении творениям Сумарокова или Хемницера, однако куда более новаторские, прежде всего по своему языку. **Дмитриев** — поэт-сентименталист, был близким другом **Карамзина** и разделял его взгляды на развитие русского литературного языка. Все сорок его басен были написаны в 1803-1804, когда карамзинская реформа языка уже приносила ощутимые плоды. Дмитриев отошел от классицистского деления жанров на высокие и низкие и стремился выработать новый подход. **А.С.Пушкин** считал, что "*все его басни не стоят*

одной хорошей басни Крылова",⁷ однако реформаторский характер произведений Дмитриева сильно повлиял на последующих баснописцев. Его произведения были очень популярны. По словам одного из современников, он "отворил басням двери в просвещенные, образованные общества, отличавшиеся вкусом и языком".

Начиная с середины – второй половины XIX в. жанр басни встречается все реже как в России, так и в Западной Европе. Нравоучительно-иронические повествования, аллегорические образы, мораль, завершающая рассказ, — все эти черты басенного жанра начинают казаться устаревшими. Сатирические и дидактические произведения облачаются в совершенно иные формы. Возродить жанр басни пытались поэты-сатирики, например, **Демьян Бедный (1883 – 1945)** и **С.В.Михалков (р. 1913)**.

Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) начал печататься с 1899 года. Басня под пером Демьяна Бедного превратилась в злободневный политический фельетон (от фр. «листок»: художественно-публицистический жанр, небольшое произведение на злободневную тему, написанное в сатирическом тоне). Даже своим стихотворным переложением прозаических басен Эзопа поэт умело придавал совершенно неожиданную новизну и современность звучания. Например, написанная в 1916 году басня «Помощь» про Медведя, Кита и Слона была запрещена цензурой, так как воспринималась как намёк на взаимоотношения между Россией и Англией во время империалистической войны. Так же воспринималась и известная басня «Волк и Лев» про украденную овцу.

С.В.Михалков писал басни главным образом для детей, многие из них легли в основу сценариев мультипликационных фильмов. Большинство изданий басен С.Михалкова вышли с иллюстрациями мастеров графики. Особенно широко известны иллюстрации Е.Рачева и Кукрыниксов. Некоторые его басенные морали заслуживают нашего внимания:

*Мой друг! Не будь таким Слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь,
Себе же только навредишь.
Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых,
А попадаешь всё в знакомых...*

Михалков продолжил традиции русской классической басни, подвергая осмеянию непривлекательные черты в характере и поступках человека.

---

⁷ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI М., 1999, с.34

Выводы по главе I

Басня – очень интересный литературный жанр, который является важнейшим культурным наследием и имеет богатую историю. Читать произведения великих баснописцев – дело чрезвычайно увлекательное. Изучив все материалы по данной теме, мы попытались выделить для себя главные особенности жанра басни:

- 1) поучительность (дидактичность);
- 2) аллегоричность;
- 3) традиционность круга образов, мотивов;
- 4) наличие повествовательной части и морали;
- 5) демократичность языка.

Несмотря на свою жанровую «стройность», басня претерпела, на наш взгляд, значительные изменения со времён античности. Первоначально басни были прозаическими, а со временем всё более популярными становятся басни в стихотворной форме. Такая форма придаёт этому «назидательному» произведению выразительность и лёгкость. Во времена Эзопа мораль была основой, самой важной частью басни, тогда как в баснях нового времени морали уделяется не так много внимания, её вообще может и не быть. Повествовательная часть басни становится ярче, выразительнее, превращается в занимательную сценку с живым диалогом. Драматургичность басни, глубина идейного содержания в сочетании с краткостью, небольшим объёмом – именно эти особенности басни и сделали её чтение обязательным этапом при поступлении в театральные учебные заведения. Кроме того, комизм (смешное) в басне со временем также становится, на наш взгляд, одним из важных признаков жанра.

К сожалению, с конца XIX века жанр басни утрачивает свою популярность и значимость, резко сократилось число авторов, обратившихся в своём творчестве к этому древнейшему жанру. Из современных баснописцев самым ярким, по нашему мнению, является Сергей Михалков.

Глава II. Вклад И. А. Крылова в развитие русской басни

2.1. Первые литературные опыты.

Крылов Иван Андреевич — знаменитый русский баснописец, родился 13 (по старому стилю 2) февраля 1769 г., по преданию — в Москве, но это может быть и не так, в подтверждение такого вывода приведу строки из серьезной научной статьи опубликованной в журнале Академии наук "Русская литература", где говорится: "Как показано выше, в 1767-1769 годах А. П. Крылов находился в Троицкой крепости, и сейчас есть основание считать местом рождения И. А. Крылова именно г. Троицк Оренбургской губернии" (ныне Челябинской области)⁸. Умер 9 ноября 1844 г. в Петербурге.

Раннее детство Крылова прошло в Оренбурге, где служил в то время отец его, Андрей Прохорович, имеющий некоторое право на известность в истории. Из указа об отставке, выданного ему при выходе его из военной службы в 1775 г., мы узнаем, что он происходил из обер-офицерских детей, умел читать и писать, но «наукам не учился»; службу начал в 1751 г. в оренбургском драгунском полку. В 1772 г. он, уже в чине капитана, участвовал, под командой генерала Фреймана, в усмирении бунта яицких казаков, а два года спустя, вместе с полковником Симоновым, руководил доблестной защитой Яицкого городка от пугачевских шаек.

Смерть А. П. Крылова оставила вдову его, **Марью Алексеевну**, и двух сыновей, Ивана и Льва, в необеспеченном положении.

При переселении семьи Крыловых в Тверь в 1775 г. там имелось только одно учебное заведение — духовная семинария; в следующем году возникла *«школа для купеческих и мещанских детей»* и только в 1779 г. — *«дворянское училище»*; в это время Крылов уже лишился отца и мать не имела никакой возможности доставить ему школьное обучение. По преданию, мальчик-Крылов любил посещать народные сборища, прислушиваться к говору народа и присматриваться к его нравам. Будущему поэту пришлось очень рано знакомиться с тяжелой стороной жизни и думать о зарабатывании денег.

---

⁸ «Сборник русского языка и словесности Академии Наук», М., 1999 стр.105

Поездка в столицу не пропала даром: несколько дней спустя, вся семья переселяется в Петербург, где Крылов уже в сентябре 1783 г. поступает на службу в казенную палату *«приказным служителем»*. М. А. Крылова все еще надеялась выхлопотать пенсию, но надежда ее не оправдалась.

Первая попытка на поприще литературы сделана была Крыловым, вероятно, в первый же год жизни в Петербурге: он продал книгопродавцу-издателю Брейткопфу рукопись *«Кофейницы»* за 60 руб., которые предпочел получить французскими книгами, выбрав сочинения **Расина, Мольера и Буало**. Время написания этого раннего произведения не поддается совершенно точному определению; по мнению Плетнева, оно было написано еще в Твери, по Лобанову, — уже в Петербурге «16-тилетним» Крыловым, как гласит надпись, сделанная им на подаренной ему Крыловым рукописи.

Недостатки *«Кофейницы»* слишком явны; кроме неловкости языка нескладицы некоторых стихов, неискусно выдержаны характеры и оттого не вполне правдоподобна самая развязка: злая и жадная барыня превращается в добрую и щедрую, а находчивый плут-приказчик слишком легко теряется. Но это молодое произведение имеет и свои достоинства; в нем есть веселость, занимательность и теплота отношения к известным лицам, сообщающаяся и читателю; есть, наконец, сильные, живые выражения народного пошиба, удачно примененные пословицы и т. п., позволяющие предчувствовать язык будущих басен.

Вероятно, изучение французских классиков, полученных от Брейткопфа, натолкнуло Крылова на мысль написать трагедию. В 1785 г. им была написана *«Клеопатра»*, которая не была напечатана и до нас не дошла. Известно, что молодой автор читал ее **И. А. Дмитревскому**; оценка знаменитого актера, бывшего, как известно, тонким критиком, была, должно быть, неблагоприятна. Однако, год спустя, Крылов выступает с новой трагической пьесой — *«Филомелой»*, действие которой происходит во Фракии. Пьеса крайне слаба, лишена движения, написана напыщенным и неуклюжим языком; самые имена действующих лиц (Прогнея, Херес) звучат дико; герой пьесы — «злодей», в котором нетрудно узнать копию Дмитрия Самозванца Сумарокова; встречается даже неискусная перефразировка удачного монолога сумароковского героя, равно как и известных заключительных слов его перед смертью. По догадке Плетнева, эта пьеса также была прочтена Дмитревскому, с которым Крылов поддерживает в последующие годы оживленные сношения; она была напечатана 7 лет спустя в *«Российском Театре»*, но никогда не увидела сцены.

Неуспех трагических попыток должен был навести Крылова на мысль вернуться к комическому роду и опять имея в виду сцену. В том же 1786 г. им написаны две

комедии: *«Бешеная семья»* и *«Сочинитель в прихожей»*, из которых первая была вскоре поставлена на сцене. Несовершенства обеих пьес, сами по себе понятные в 17-летнем авторе, подчеркиваются для нас и более бросаются нам в глаза по сравнению с тем художественным реализмом и тонким чувством комического, которые слились для нас с литературным образом Крылова. Но для истинного комизма у него не могло быть в то время ни достаточно вкуса, ни достаточной глубины чувства; а образцов художественного реализма не представляла тогдашняя литература, если не считать *«Недоросля»*, явившегося всего за 4 года раньше и бывшего, конечно, явлением исключительным, сразу оцененным немногими.

К 1787 или 1788 году относится третья комедия Крылова — *«Проказники»*, в которой чувствуется гораздо большая горячность сатиры; она представляет значительный биографический интерес. *«Проказники»* были напечатаны и поставлены на сцену только в 1793 г., но, по-видимому, гораздо раньше стали известны в рукописи, о чем постарался сам автор.

В марте 1789 г. театральное управление было преобразовано и, вместо комитета, во главе его было поставлено два лица: **Соймонов** и **А. В. Храповицкий**. Когда вскоре Крылов представил в театр свою оперу *«Американцы»* (до нас не дошедшую, но переделанную впоследствии А. Клушиным), она не была принята на сцену, равно как и комедия *«Проказники»*, как слишком резкая сатира на лица, несмотря на то, что раньше Соймонов одобрял ее (если верить письму Крылова); вместе с тем автора комедии перестали пускать бесплатно в театр. Это столкновение должно было отрезать Крылову путь к театру, по крайней мере на продолжительное время, что, вероятно, и заставило Крылова взяться за другой род литературы.

Около этого времени (в 1788 г.) скончалась Марья Алексеевна Крылова, о которой баснописец сохранял всю жизнь очень теплое воспоминание. В это время **Льву Андреевичу** было 11 лет; мы лишены возможности проследить ближе его жизнь с братом, равно как и условия его воспитания; из формулярного списка его мы узнаем, что уже в 1786 г., т. е. 9—10 лет, он числился *«фурьером»* в Измайловском полку, но с производством в офицеры в 1797 г. он был переведен в армию; тогда братья расстались, по-видимому, навсегда. С января 1800 г. мы находим след довольно оживленной переписки между братьями, которая длится до самой смерти Льва Андреевича в 1824 г. и дает кое-что ценное для характеристики баснописца, хотя его письма и не сохранились; она помещена (в извлечениях) в книге В. Коневича.

2.2. Публицистическая деятельность.

Одновременно с театральными неудачами и размолвкой с Соймоновым, Крылов берется серьезно за журнальную деятельность; в это время у него уже имелись литературные связи и знакомства. Уже в 1786 г. в еженедельнике *«Лекарство от скуки и забот»*, издававшемся Туманским, встречается эпиграмма за подписью И. Крылов, должно быть принадлежащая его перу; а в 1788 г. он сотрудничает в еженедельном журнале **И. Рахманинова** *«Утренние часы»*, где, могут быть ему приписаны со значительной вероятностью три басни, напечатанные с подписью С. И. Кр. — т. е. сочинил И. Крылов — а именно: *«Стыдливый игрок»*, *«Судьба игроков»* и *«Павлин и соловей»*, три басни напечатанные без подписи: — *«Новопожалованный осел»*, *«Олень и заяц»* и *«Недовольный гостями стихотворец»* — и два сатирических очерка. Имя Крылова находится также в числе подписчиков журнала. Личность **Ивана Герасимовича Рахманинова**, с которым Крылов в то время сблизился и вскоре подружился, несмотря на значительную разницу лет и несколько угрюмый его характер, заслуживает внимания. Первоначально офицер Конной гвардии, он вышел в отставку капитаном и занялся популяризацией и защитой идей Вольтера, которого был большим почитателем; в 1785 г. им было переведено и издано сочинение **И. Дюбоа**: *«Известие о болезни, о исповеди и смерти г. Вольтера»*; в предисловии переводчик защищает вольтеровский скептицизм, как законнее достояние мыслящего ума и верный путь к истине. Хорошие средства давали возможность Рахманинову затевать литературные предприятия, редко в то время окупавшиеся; в 1789 г. он завел собственную типографию и стал во главе серьезного журнала — *«Почта духов»*, куда привлек и И. А. Крылова. Заглавие журнала и литературная форма, им принятая: переписка духов — заставляют вспомнить *«Адскую почту»*, журнал Ф. Эмина, выходивший в 1769 г.; сличение обоих журналов указывает на сходство в самом направлении их, даже на совпадение некоторых тем, которое не говорит, однако, о заимствовании; в свое время «Адская почта» стояла за серьезность сатирических нападок и в известном споре *«Трутня»* и *«Всякой всячины»* не соглашалась с последней в требовании «добросердечия» от сатирического писателя; краткий расцвет сатирической журналистики окончился с прекращением *«Кошелька»* (1774 г.); таким образом, «Почта духов» берет снова порвавшуюся нить серьезной сатиры через пятнадцатилетний промежуток. Случайно или нет, в предыдущем (1788) году «Адская Почта» была дважды переиздана **П. Богдановичем**, впрочем, оба раза в сокращенном и даже искаженном виде и под измененными заглавиями: *«Курьер из ада с письмами»* и *«Адская почта, или курьер из ада с письмами»*. Удержав в общих чертах тот же литературный прием, заимствованный **Эминым** у **Лесажа**, журнал Рахманинова заменяет двух бесов —

«хромого» и «кривого» — восемью духами: Зором, Буристомом, Астаротом, Вестодавом, Бореидом, Дальновидом, Световидом и Выспрепаром, философом Эмпедоклом и волшебником Маликульмульком. Журнал стал выходить с конца января и продержался только 8 месяцев; вышло 8 книжек, заключающих в себе предуведомление, вступление и 18 писем. Статьи журнала не подписывались настоящими именами авторов; отсюда возникает вопрос о размерах авторства Крылова в «Почте духов»; вопрос этот имеет свою историю.

Когда в 1847 г. выходило первое *«Полное собрание сочинений Крылова»*, издатели поместили в нем вступление и 18 писем, — все, по заявлению Плетнева, «что принадлежало собственно его перу», но не открыли нам основания, которым руководствовались при выборе: руководились ли они преданием, или сам Крылов открыл им свои псевдонимы. Одна допущенная ими неточность может быть легко указана: они опустили 12-е письмо Буристана, несомненно принадлежащее Крылову; письмо оканчивается стихами, в которых осмеивается писатель — рогоносец, «лишь красть чужое тароватый», очевидно, тот же Княжнин, нападки на которого Крылов продолжает и в журнале. Нам известны и причины, заставившие издателей выпустить это письмо, — это были цензурные затруднения, вызванные изображением в нем судейской неправды, которое, хотя не богато красками, но написано с жаром и способно возбудить чувство. Таким образом, число крыловских писем может быть доведено до 19-ти, а именно: 12 писем Зора, 5 — Буристана и 2 — Вестодава.

Несмотря на выдающиеся по тому времени достоинства, как по содержанию, так и по литературной форме, «Почта духов» имела мало успеха, чем и надо объяснить ее прекращение после августовской книжки; число подписчиков, имена которых, по обычаю, печатались при журнале, доходило всего до 80-ти. Переизданная в 1802 г., она была разбита на 4 книги без деления на месяцы и продавалась по 5 руб.

Быть может, сравнительный неуспех первых серьезных журнальных попыток Крылова вызвал перерыв в его литературной деятельности; единственным следом ее за 1790 г. является *«Ода на заключение мира России со Швецией»* с полным именем «Ивана Крылова» и подношением государыне, напечатанная отдельной брошюрой в типографии.

Жизнь Крылова за 1791 г. нам совершенно не известна; но в следующем году мы видим его уже издателем журнала *«Зритель»*, печатающегося в собственной типографии, приобретенной у Рахманинова; журнал начал выходить почему-то с февраля и продолжался до конца года; вышло 11 книжек. Главным сотрудником Крылова был *Александр Иванович Клушин*, но, по-видимому, еще не на равных правах с Крыловым,

как это было потом; отношения между ними были дружеские; возможно, что они встречались еще в Твери, где Клушин служил; он родился в 1763 г., был весьма даровит и заявил уже себя как писатель для театра. Известный А. Т. Болотов отзывается с большой похвалой об уме и талантах Клушина, но ужасается его вольнодумству. Сотрудников «Зрителя» было довольно много; кроме Крылова и Клушина, насчитывается до **10 имен**; в число их **Карамзин** (в письме к Дмитриеву) помещает также актеров **Дмитревского** и **Плавильщикова**, подписи которых под статьями впрочем не встречаются. Вероятно, это сравнительное многолюдство и пестрота участвующих заставили редакцию начать таким заявлением: *«Один или многие будут издавать «Зрителя», о том, кажется нет нужды уведомлять любезного читателя».*

Личное участие Крылова в «Зрителе» выразилось, кроме переводной оды *«Утро»*, в 6 прозаических статьях подписанных его именем; самая обширная из них, *«Ночи»*, помещенная в 4-х книжках журнала, представляет довольно неискусный опыт романа приключений.

«Восточная повесть «Каиб», помещенная в двух книжках, есть не только лучшая из шести крыловских статей в «Зрителе», но и вообще лучшее, что когда-либо было им написано прозой; успех, сделанный автором сравнительно с лучшими из писем «Почты духов», бросается в глаза. Слог «Каиба» гораздо легче, остроумие тоньше, отчасти потому, что автор избегает многословия, но главное — есть теплота и юмор, которых ему так часто недоставало; черта тривиальности и грубости воображения, которая замечалась раньше, здесь отсутствует; несколько натуралистических подробностей («чистительное», «помои») не мешают струе чисто идеальной — в любви Каиба и Роксаны, изображенной поэтично и в то же время без слащавости. Каиб разочаровывается в одах, эклогах, идиллиях и речах ораторов, — это дает автору повод для метких критических замечаний на тогдашние литературные вкусы; в пастушках осмеивается сентиментализм, вводимый Карамзиным.

Остальные три сочинения Крылова в «Зрителе»: «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», «Рассуждение о дружестве» и «Мысли философа по моде» — не замечательны. «Зритель» давал читателям более разнообразное содержание, чем «Почта духов» и имел больше успеха; число подписчиков дошло до 169; «Московский Журнал» Карамзина имел их, однако, 300.

С начала 1793 г. «Зритель» превратился в «Санкт-Петербургский Меркурий», просуществовавший также год и вышедший в 12 книжках, из которых последние печатались уже не в типографии «Крылова с товарищи», а в академической типографии. Журнал начался и кончился совместным обращением к публике Крылова и Клушина.

Личный вклад Крылова невелик: 4 прозаических статьи и 8 стихотворений; более известна: *«Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей»*, относительно которой постоянно повторяется догадка Я. К. Грота, что она была направлена на Карамзина и его последователей, догадка очень мало вероятная. На самом деле «Речь» осмеивает расшатанность литературных понятий и литературную предприимчивость и развязность невежественных бездарностей, которые кичатся знанием иностранных писателей, не умея даже произнести их имен по незнанию иностранных языков.

Заслуживают внимания две заметки Крылова на только что поставленные пьесы Клушина: «Смех и горе» и «Алхимист»; Крылов обнаруживает здесь критическое умение и такт. К концу года участие обоих издателей в журнале заметно ослабевает; в ноябрьской книжке Клушин печатает: *«Благодарность Екатерине Великой за увольнение меня в чужие края с жалованием»*, изложенную в крайне напыщенных стихах, а в декабре журнал оканчивается следующим заявлением Крылова и Клушина: *«Год Меркурия кончился — и за отлучкою издателей продолжаться не будет»*.

Уехал ли Крылов действительно из Петербурга с началом 1794 г., — если уехал, то куда, чем был занят следующие года 2—3, откуда брал средства к жизни, с кем водился, — все это вопросы, на которые мы не имеем никакой возможности ответить. Надо думать, что слова Вигеля всего ближе подошли к истине: *«неимуций, беспечный юноша, он долго не имел собственного угла и всегда гостил у кого-нибудь»*, — в таком положении мы и видим его скоро в усадьбе кн. **Сергея Федоровича Голицына**. Литературные занятия с конца 1796 г. сделались затруднительны; последовал указ о закрытии частных типографий, и вскоре *«музы, по выражению Карамзина, закрыли лица свои черным флером»*.

С воцарением **Александра I** кн. Голицын был назначен генерал-губернатором в Ригу и взял Крылова к себе в секретари; но последний пробыл в этой должности всего два года — от октября 1801 до сентября 1803 г. и получил очень хвалебный аттестат от своего принципала. С тех пор началась для Крылова бродячая жизнь, о которой мы не знаем ничего определенного; со слов самого Крылова передают, что он пристрастился в то время к карточной игре, имел истории с шулерами, выиграл, однакож, значительную сумму (30 тысяч), которая и могла обеспечить ему жизнь на некоторое время. 25 января 1801 г. была играна на московском театре его комедия *«Пирог»*, которая 10 июля следующего года была поставлена в Петербурге. Пьеса имеет характер водевиля и не лишена веселости и комизма; личность плута-слуги разработана правдивее, чем прежде, в лице Ужимы, толкующей о ручейках и лужайках, осмеян модный в то время

сентиментализм. Рукопись пьесы долго считалась потерянной, но в 1861 г. была разыскана в библиотеке Александринского театра и напечатана в академическом сборнике. Вероятно, в эти уже годы (до 1806) Крылов работал над комедией *«Лентяй»* (иначе *«Ленивый»* или *«Лентул»*), которая, по рассказу Лобанова, была окончена и читана автором у **гр. Чернышева**, после чего рукопись утратилась по его небрежности. До нас дошел, через семью Олениных, только отрывок — все 1-е действие и часть 2-го — написанный стихами. Мотив пьесы оригинален: герой, о котором только идет речь в сохранившемся отрывке, по-видимому, добродушный, не лишенный образования и ума молодой человек, в то же время страшно ленивый, — как бы прототип будущего Обломова; отрывок напечатан в *«Сборнике»* Академии Наук; об утрате произведения нельзя не пожалеть: это была первая серьезная попытка Крылова создать характер.

2.3. Басня — излюбленный жанр Крылова

Около этого же времени совершился перелом в литературной деятельности Крылова, вскоре направивший ее на другой путь. В 1805 г. он встретил в Москве **И. И. Дмитриева** и показал ему 2 или 3 басни, переведенные из Лафонтена; это были: *«Дуб и трость»*, *«Разборчивая невеста»* и, может быть, также *«Старик и трое молодых»*. Дмитриев, чуждый соперничества, чрезвычайно одобрил их и с его рекомендацией они были напечатаны в 1 кн. журнала *«Московский зритель»* за 1806 г., с указанием от издателя, кн. **П. Шаликова**, на рекомендацию Дмитриева, названного инициалами *«И. И. Д.»* Басни были посвящены *«С. К. Бкндрфвой»* (т. е. Бенкендорф); за ними последовала в февральской книжке третья. По словам Лобанова, Дмитриев сказал Крылову: *«это истинный ваш род; наконец, вы нашли его»*; совет был принят и будущее доказало его справедливость.

Однако, прежде чем ему последовать окончательно, будущий баснописец еще раз возвращается к театру, который так давно имел для него притягательную силу: 27 июля 1806 г. была поставлена его комедия в 3 действиях: *«Модная лавка»*; 31 декабря того же года — *«волшебная опера»* в 3 действиях, *«Илья Богатырь»*, а 18 июля 1807 г. — одноактная комедия *«Урок дочкам»*. Последним следом интереса Крылова к сцене является его участие в основании журнала *«Драматический Вестник»* в 1808 г., в котором им были помещены 18 басен; в числе их уже несколько оригинальных.

В том же году (6 октября) Крылов снова определяется на службу, на этот раз в Монетный департамент, откуда выходит в отставку 30 сентября 1810 г.; аттестат о службе, полученный им при этом, долгое время сбивал биографов Крылова неверными данными о

его первоначальной службе, проставленными, очевидно, как попало; они исправляются главным образом при помощи материалов, сообщенных **М. Семевским** (в Сборнике Академии Наук). Все это время деятельность его как баснописца продолжается и в 1809 г. выходит первое издание *«Басен Ивана Крылова»* (числом 23); оно было повторено (с некоторыми изменениями текста) в 1811 г., а несколькими месяцами раньше, в том же году, явилась книжка *«Новых басен»* (числом 21); появились сочувственные разборы **Жуковского** (1809) и **А. Е. Измайлова-баснописца**; в короткое время создается широкая и прочная популярность; в 1811 г. (16 декабря) Крылов избран и члены *Российской Академии*. С 7 января 1812 г. началась его служба в *«Императорской Публичной библиотеке»*, сперва помощником библиотекаря, потом (с 1816 г.) библиотекарем, продолжавшаяся почти до самой смерти и сопровождавшаяся целым рядом монарших милостей и наград, большей частью при посредстве директора библиотеки **А. Н. Оленина**, относившегося к Крылову очень доброжелательно; уже в феврале 1812 г. ему назначена пенсия из Кабинета в полторы тысячи рублей, которая была удвоена в 1820 г. и увеличена вчетверо в 1834 г.; кроме того, отпускаются суммы на новые издания басен; жалуются ордена и чины; при выходе в отставку в 1841 г. (1-го марта) Крылову назначают все получаемое им содержание (11700 руб. асс.) в пенсию. Служебным отличиям отвечали и другие успехи; с основанием *«Беседы любителей русского слова»* в 1811 г. Крылов делается ее членом и в первом же заседании (14 марта) читает басню *«Огородник и философ»*; с тех пор целый ряд его басен (23) появляется в ее *«Чтениях»*; различные ученые и литературные общества выбирают его своим членом; а в 1841 г., уже после отставки, при преобразовании Академии Наук, Крылов назначается ординарным академиком по отделению словесности. Изредка Крылов выступал публично в качестве представителя Библиотеки и знаменитого писателя: так, 2 января 1814 г., когда Библиотека впервые открылась, как общедоступное книгохранилище, им была прочитана в торжественном заседании басня *«Водолазы»*; 2 января 1817 г. в тех же условиях им были прочитаны басни: *«Кукушка и горлинка»*, *«Похороны»* и *«Сочинитель и разбойник»*. В 1838 г. был справлен 50-летний юбилей литературной деятельности Крылова с небывалой торжественностью, поздравлениями от *«Высочайших особ»*, речами и стихами — первый литературный юбилей в России, принявший размеры общественного события. Большое впечатление произвела также смерть баснописца, последовавшая 9 ноября 1844 г. Выйдя в отставку, Крылов должен был покинуть казенную квартиру в здании Библиотеки, обстановка которой увековечена в известном описании Плетнева, и поселился на Васильевском острове, где и застигла его смерть на 76-м году жизни, после короткого нездоровья; отпевание совершилось в Исаакиевском

соборе, похороны на кладбище Александро-Невской лавры, при огромном стечении народа. Известный памятник в «*Летнем саду*» поставлен был в 1855 г.

Литературная история басен, обнимающая 31 год (1805—1836), подробно рассмотрена в исследовании **В. Кеневича**, к которому сделаны до сих пор только незначительные дополнения; за это время Крыловым было написано 200 басен (201-я: «*Обед у медведя*» — сомнительна); две из них: «*Пестрые овцы*» и «*Пир*» — явились в печати только после смерти автора. По годам басни распределяются очень неравномерно: за 20 лет Александровского царствования (1805—1825) их написано 168; но непосредственно за плодовитым 1825 годом (когда их было написано 22) наступает перерыв в 3 года, после чего деятельность баснописца возобновляется, но уже далеко не достигает прежней производительности: с 1829 г. по конец 1836 г. написано всего 32 басни. Крылов начал подражанием Лафонтену, но уже в 1807 г. была им написана первая оригинальная басня «*Ларчик*»; число басен Крылова, имеющих вообще связь с Лафонтеном, доходит до 40; с 1818 г., научившись на пари греческому языку (по известному рассказу Плетнева), Крылов пробует черпать сюжеты прямо из Эзопа; таких басен можно насчитать семь. Не говоря вообще о «заимствованиях» Крылова, надо весьма расширить это понятие, так как в большинстве случаев чужое произведение давало только намек для свободного творчества из своих, русских материалов.

Интереснее, чем вопрос о заимствованиях нашего баснописца, — вопрос о тех отдельных фактах и лицах современной действительности, которые могли дать непосредственный повод для той или другой басни. Уже современники Крылова искали ключей ко многим басням; их продолжают искать и до сих пор; но надо сознаться, что единственная серьезная попытка в этом направлении (Кеневича) дала неудовлетворительные результаты. За исключением басен, подсказанных историческими событиями, остальные приурочиваются к фактам и лицам гадательно и сбивчиво, иногда прямо неправдоподобно. Но число исторических басен невелико; 1812 г. вызвал их 5: кроме общеизвестных 4-х («*Волк на псарне*», «*Обоз*», «*Ворона и курица*», «*Щука и кот*») следует считать в их числе еще басню «*Кот и повар*», написанную в самый момент замены Барклая Кутузовым; возвращение Александра I из Парижа вызвало басню «*Чиж и еж*», впрочем, более личного, чем общественного содержания. Венский конгресс осмеян в басне: «*Собачья дружба*» и т. д. Не подлежит сомнению, что многие мелкие происшествия, которые могли действительно надоумить Крылова, скоро забылись и затерялись; сам он, по свидетельству **Лобанова** и **Булгарина**, очень не любил давать ключ к своим басням. Любопытно, что смысл некоторых басен объясняли из последующих событий, совершившихся уже после их написания; некоторые, напротив

того, относили к фактам, случившимся раньше и давно переставшим, конечно, интересоваться сатирика; так, например, в басне *«Дикие козы»* (1825 г.) думали видеть намек на поляков и учредительную хартию (1815 г.). Известная догадка на счет **Сперанского**, представленного под видом паука (*«Орел и паук»*) также сомнительна: в ноябре 1811 г., когда басня одобрена цензурой, падение Сперанского еще не предвиделось. Вообще в этом стремлении отыскать, во что бы то ни стало, современный общественный смысл в баснях Крылова, которое обнаруживала, как мы видим, русская публика, вопреки самой хронологии басен, не сказывалась ли ее неудовлетворенность слишком общим, отвлеченно поучительным смыслом, сбивавшимся на общее место, которым, между тем, может быть, вовсе не тяготился сам автор, довольно равнодушный к общественной жизни. Для него басня *«Дикие козы»* могла быть действительно просто басней на людскую неблагодарность. Это не мешало ему, однако, в отдельных баснях возвышаться до роли общественного сатирика и метить не в лгунов и хвастунов, а в продажных судей, взяточников и т. д. Особую группу среди басен Крылова составляют те, в которых прямо и в аллегорической форме разбирается общий теоретический вопрос — о просвещении, добрых нравах и т. п., в них сатира уже совершенно уступает место дидактике. По-видимому, сам баснописец ими особенно дорожил — вспомним чтение *«Водолазов»* на акте Императорской Публичной Библиотеки; но мы вряд ли можем теперь присоединиться к такой их оценке, ввиду сбивчивости и малой содержательности выраженных в них мыслей, что не мешает, например, басне *«Сочинитель и разбойник»* быть превосходной в литературном отношении; вряд ли и в то время они удовлетворяли многих своим идейным содержанием. В более новые времена не раз поднимался вопрос о нравственном, этическом элементе в баснях Крылова и делались выводы большей частью неблагоприятные; но при этом упускалось из вида, что басня, с ее комизмом, ее анекдотичностью и обязательством поучать шутя и вполоткрыто, по слову Крылова, — совершенно не подходящая форма для выражения возвышенных идей и настроений; лучшим подтверждением служат *«идеальные»* басни самого Крылова, — такие, как *«Василек»*, *«Орел и пчела»* и др.; они оставляют читателя холодным и звучат даже фальшиво.

Истинное значение знаменитых басен, конечно, не в новизне, глубине или особой возвышенности высказанных ими идей — оно заключается в их высокой художественности, меткости, типичности, разносторонности, в богатом комизме, в сильном, истинно русском языке. Подобно Лафонтену, своему единственному сопернику, Крылов показал, как можно остаться поэтом, будучи баснописцем; его описания и рассказы, состоящие всего из нескольких строк, всегда художественны, характеристики

лиц выдержаны мастерски; диалоги заслуживают, может быть, еще большей похвалы; известно, как они выигрывают при драматическом чтении: в баснях Крылов был более драматург, чем в своих многочисленных пьесах; наиболее удачные басни именно те, в которых преобладают разговоры; притом сам баснописец, описывая, рассказывая или рассуждая, говорит обыкновенно совершенно индивидуальной, сценической манерой, являясь сам интересным лицом басни; вот особенность, которой Крылов превосходит Лафонтена; если французский баснописец, с известным отпечатком чего-то детского, сохранившимся в нем до старости, мог быть более симпатичным в своих баснях, то физиономия нашего баснописца-дедушки, которую мы видим все время за пестрой толпой его лиц, была интересней и значительней.

Комическое дарование Крылова, которое так невыгодно представилось нам в его предыдущих вещах, вследствие других крупных недостатков этих произведений, теперь, в форме басни, могло выразиться без помехи. Оттенки его комизма в баснях чрезвычайно разнообразны — от самого элементарного смеха до тонких штрихов иронии; он владеет способностью говорить самые смешные вещи с серьезнейшим видом, прикидываться наивным, не понимающим того, что он отлично понимает, и т. п.; предметы, самые недоступные, по-видимому, для комизма, делаются неожиданно самыми комичными под его пером (напрель река в басне *«Крестьяне и река»*). Интересно его отношение к классическим подробностями: вначале он пользуется ими на манер XVIII века, скорее как риторическим средством, не чувствуя, насколько они неблагоприятны для художника потому, что не возбуждают в читателе воображения (напрель в басне *«Дуб и трость»*); но впоследствии он умеет вдохнуть жизнь в те же ветхие формы и они оживают под его пером: адский судья Эак (в *«Вельможе»*) — типичный судья-юморист; от костра, разведенного Мегерой под разбойником, *«трескаться стал в сводах адских камень»*; в первом случае живой водой оказался комизм, во втором — художественный реализм описания.

Наконец, басни Крылова имеют еще право на литературную долговечность — как памятник языка. Это значение есть первое и важнейшее для прочной литературной славы и на русском языке очень немногие произведения обладают им в такой мере, как книжка Крыловских басен, одна из популярнейших книг в России. То, что печатается обыкновенно под именем *«исследований языка такого-то писателя»* обыкновенно не идет дальше перечня слов и форм; но дело не столько в орудии, сколько в умении владеть им. Почему сухая фраза: *«пошли домой»* (в басне *«Крестьяне и река»*) полна особенного выражения? Она лучше передаст здесь безнадежность положения, чем самое красноречивое описание отчаяния; это чувствовал Крылов и чувствует русский читатель;

между тем, взятый пример один из незначительных и бледных. Крылову-баснописцу удалось развернуть живописные и выразительные силы русского языка с такой полнотой и ширью, которые по плечу только первым его мастерам. Художественная работа над баснями производилась Крыловым тщательно и любовно; новые редакции басен старательно им. переписывались и сохранялись; отзывы о баснях принимались с самым живым интересом: художник не умер в Крылове до последних дней жизни.

Историко-литературное значение басен Крылова является нам в двояком свете. Лучшие из них принадлежат, конечно, к образцовым созданиям русского слова и достойны стоять рядом с лучшими произведениями первоклассных русских писателей; но самая ограниченность и элементарность басенного рода, его тесные рамки и крайне простые задачи должны были неминуемо обречь их на сравнительно невлиятельную роль в нашем литературном развитии. Явившись задолго до того, как появились лучшие вещи **Пушкина**, и, обладая в высокой степени теми самыми свойствами, которые позволили последним начать новую эпоху в русской литературе, они так и остались ярким, но обособленным явлением, которое, исчерпав само себя, не дало семян для будущего. Можно отметить только влияние языка и стиха басен на комедию **Грибоедова**, влияние, простиравшееся, конечно, только на форму. Но не одна только второстепенность басенного рода лишила Крылова более влиятельной роли в нашем литературном развитии; была причина, лежавшая глубже; чтобы понять ее, следует бросить общий взгляд на всю его биографию.

Жизнь Крылова, в последней своей половине, обеспеченная, покойная, полная литературных успехов, почета и общего внимания, представляет самый резкий контраст с его существованием до 40-летнего возраста; ранние его биографы, лично знавшие оригинального, внушительного старика, знаменитого писателя, мало знали о его прошлом и даже мало интересовались им; для них первые 38—40 лет его жизни были только временем исканий, попыток, утративших всякое значение после того, как «настоящий путь» был найден. Контраст между первой и второй половиной биографии для них был чисто внешний; они не видели и даже не подозревали возможности глубоких внутренних перемен, которые могли совершиться в Крылове за его долгую жизнь, так резко расколовшую надвое. В ином положении находимся мы. Хотя наши сведения о первой половине жизни Крылова тоже далеко не полны, материалы скудны и содержат много недомолвок, но она рисуется нам не в бесцветных и малоинтересных, а напротив, ярких и замечательных чертах. Две стороны в тогдашней его личности останавливают внимание исследователя и заставляют горько сожалеть о неполноте материала: Крылов, как энергичный, способный и самолюбивый бедняк, пробивающий себе дорогу, и Крылов как

несомненный, прирожденный сатирик, который оставался сатириком всю жизнь, начал сатирой в 1783 г. и окончил в 1836, когда были написаны последние басни.

И так, вот едва ли не главный ключ к литературной судьбе Крылова: его большой талант явился несвоевременно; не мудрено, что он не дал всех своих плодов и, может быть, именно лучших.

Герой Лентул любит лежебочить;

Зато ни в чем другом нельзя его порочить:

Не зол, не сварлив он, отдать последне рад

И если бы не лень, в мужьях он был бы клад;

Приветлив и учтив, при том и не невежа

Рад сделать все добро, да только бы лишь лежа.

Высокого положения в литературе Крылов достиг не сразу; **Жуковский**, в своей статье **«О басне и баснях Крылова»**, написанной по поводу изд. 1809 г., еще сравнивает его с Дмитриевым, не всегда к его выгоде, указывает в его языке **«погрешности»**, **«выражения противные вкусу, грубые»** и с явным колебанием **«позволяет себе»** поднимать его кое-где до Лафонтена, как **«искусного переводчика»** царя баснописцев. Крылов и не мог быть в особой претензии на этот приговор, так как из 27 басен, написанных им до тех пор, в 17 он, действительно, **«занял у Лафонтена и вымысел, и рассказ»**; на этих переводах Крылов, так сказать, набивал себе руку, оттачивал оружие для своей сатиры. Уже в 1811 г. он выступает с длинным рядом совершенно самостоятельных (из 18 басен 1811 г. документально заимствованных только 3) и часто поразительно смелых пьес, каковы **«Гуси»**, **«Листы и Корни»**, **«Квартет»**, **«Совет мышей»** и пр. Вся лучшая часть читающей публики тогда же признала в Крылове огромный и вполне самостоятельный талант; собрание его «Новых басен» стало во многих домах любимой книгой, и злостные нападки Каченовского («Вестн. Европы» 1812 г., No 4) гораздо более повредили критику, чем поэту. В год отечественной войны Крылов становится политическим писателем, именно того направления, которого держалось большинство русского общества. Также ясно политическая идея видна и в баснях двух последующих годов, **«Щука и Кот»** (1813) и **«Лебедь, Щука и Рак»** (1814; она имеет в виду не венский конгресс, за полгода до открытия которого она написана, а выражает недовольство русского общества действиями союзников имп. Александра). В 1814 г. Крылов написал 24 басни, все до одной оригинальные, и неоднократно читал их при дворе, в кружке **имп. Марии Феодоровны**.

Крылов завоевал всемирную известность своими баснями. Обращение Крылова к этому жанру характерно для представителя подчиненного в ту пору третьего сословия,

лишь *«вполоткрыта»* выражающего свое суждение. Но смиренная форма басни под пером Крылова получает, как это отметил еще Белинский, *«жгучий характер сатиры и памфлета»*. Предмет сатиры все тот же, что и в комедиях и статьях. Только в связи с изменившимся соотношением социальных групп в первой трети XIX в. дворянство как таковое обращает на себя внимание Крылова в меньшей мере, чем бюрократия. Но мы встретим в его баснях насмешки над чинством «породой» (*«Гуси»*), над увлечением иностранцами (*«Обезьяны»*), над уродливым воспитанием (*«Воспитание льва»*), мотовством, непрактичностью и т. д. Высшее сословие выводится в баснях иронически не только в виде символических животных (львы, обезьяны и т. д.), но и в реалистически-бытовом изображении (князь в *«Лжеце»*, семья дворян в *«Муха и дорожные»* и др.). В лице львов, медведей, волков и лисиц Крылов бичует жестокий произвол бюрократии и полиции, состоящей у нее на службе, хищение казны, взяточничество, несправедливый кляузный суд, обирание беззащитных «овец», символически изображающих собою бесправный и нищий крепостной народ. Наряду с обличением мы встречаем в баснях и изображение его положительных идеалов, всецело буржуазных по существу своему. Тщеславной гордости *«родом»* Крылов противопоставляет личные способности и заслуги (*«Осел»*), внешнему блеску и примерному безделью высших классов — терпеливый, настойчивый труд (*«Листья и корни»*). Однако буржуазия, которую представляет Крылов, — не та передовая воинствующая группа, которая несет гибель и разложение сословно-дворянскому строю; он выражает психоидеологию консервативной ее части, связанной с этим строем. Рядом басня Крылова проповедует низшим классам довольство тем состоянием, в котором они находятся, и предлагает им постоянным трудом и терпением улучшать свое благосостояние. Пчелы и муравьи, незаметные труженики, довольствующиеся своим скромным положением и той *«пользой»*, которую они приносят обществу, противопоставляются у Крылова легкомысленным стрекозам, праздношатающимся мухам и прославленным орлам. Философия практицизма, эгоистического самодовольства, часто узко-ограниченная до пошлости, — вот положительный идеал Крылова. И тем злобнее становятся его нападки на все, что способно поколебать этот идеал мещанского благополучия, — на *«дерзкий»* ум, рвущийся к знанию и разлагающий «устои» общественной жизни (*«Водолазы»*, *«Сочинитель и разбойник»*), на ученые теории, которые только затемняют практическую сметку (*«Огородник и философ»*, *«Ларчик»*, *«Механик»*).

Крылов создал особый басенный язык, до сих пор поражающий силой и энергичностью выражения; для своего же времени язык Крылова был явлением исключительным. Несмотря на некоторое влияние старинного классического стиля (в

баснях встречается ряд мифологических имен, античных героев и т. д.), в целом язык басен производит впечатление народного разговорного языка со всеми свойственными ему особенностями. Богатый словарь басен, пословицы и поговорки, включенные в повествование, идиотизмы, особые приемы образования и использования словесных (глагольных и иных) форм, живая диалогическая речь, богатая интонациями — таковы главные средства этого басенного языка.

Вольность стиха басен, различное количество стоп в стихе всегда связывается у Крылова с содержанием басен и зависит от предмета и действия, о которых он повествует: напрыль прыгающие хореические стихи в басне о стрекозе сменяются тяжеловатым пятишестистопным ямбом в басне о пустынноике и медведе. То же надо сказать о звуковом подборе словесного материала, способствующем обрисовке характеров и действия. Басни Крылова, в начале XIX века, в эпоху преобладания дворянской критики, встречали сдержанную оценку и иногда даже упреки в грубости и нечистоплотности. Только представители буржуазной критики восторженно приветствовали талант Крылова и взяли его под защиту от критики аристократической (статья Булгарина, 1824). Позднее **Белинский** провозгласил Крылова *«единственным», «истинным и великим баснописцем», усмотрев в его баснях «сатиру» и «народность».*

Выводы по главе II

Крылов застал русскую басню в тот период, когда в ней закончился спор о путях дальнейшего развития между классицистами (**Д.И. Хвостов**) и сентименталистами (**И.И. Дмитриев**). Написав свои первые басни (*«Дуб и Трость», «Старик и трое молодых», «Разборчивая невеста»*; 1805), Крылов пришел к И.И. Дмитриеву и попросил прочитать их. Дмитриев отдал басни в печать. Поступок Крылова был явным свидетельством тому, что он — сторонник басни *«поэтической»*, идущей от **Федра и Лафонтена**, а не *«прозаической»*, восходящей к **Эзопу и Лессингу**. Сам жанр басни Крылов мыслил не как оживляющий дидактический пример в устном философском или нравственном споре, а в

духе рассказа, выдержанного либо в виде эпического повествования, либо в виде драматической сценки, т. е. ставил перед собой в первую очередь художественные цели, а на основе их приходил к моральному выводу. Однако это касалось прежде всего жанра, а не стиля басни.

Крылов не жаловал сентименталистов (как, впрочем, в дальнейшем и романтиков). И если он соглашался с Дмитриевым по поводу самого жанра басни, то никак не мог согласиться с ним относительно ее языка. В этом отношении он был сторонником А.С. Шишкова и входил в *«Беседу любителей русского слова»*. В своем языке Крылов опирался на сохранившиеся славянизмы, на разговорную речь и не столько на просторечие (*«народное красноречие»*), сколько на *«руссизмы»*, на идиоматические народные выражения (*идиомы*). Крылов положил в основу *«басенного слова»* не мертвый книжный церковно-славянский язык и не разговорный язык образованного дворянства, не «головные», умозрительные законы, требующие разрыва с речевым современным ему общением или с русской речевой традицией, а нечто реальное – живые речевые формы *«народного толка»*.

Для правильного понимания крыловских басен существенно также, что баснописец не отказывался от нравоучительности и не сводил басню к сатире. Басня Крылова может быть и комической, и вполне серьезной.

Трудные вопросы встали перед некогда радикальным Крыловым во всем своем величии и глубине. Парадоксально, что мудрец-философ ответил на эти *«важные»*, как говорили в старину, вопросы не в жанре *«высоком»* – эпической поэмы, трагедии или философской оды, а в жанре *«низком»*. Тем самым он вложил в басню несвойственное ей философско-возвышенное и нравственно-значительное содержание.

Баснописец ввел в литературу «мужицкий» взгляд на вещи. Хотя ему были близки и правда народная, и правда личностная (Крылов самостоятельно изучил сочинения французских просветителей и переводил их), он, часто вопреки своим личным убеждениям, отдавал предпочтение народному воззрению и подавлял в себе гуманистические представления, усвоенные из книг. Во многих баснях идеи мудрецов-философов побиваются народным разумом. Это, однако, не значит, что Крылов целиком оправдывал народный *«здравый смысл»*, иногда выступавший в его баснях темным и непросветленным. Но если ему приходилось выбирать между самым банальным народным «здравым смыслом» и гуманными представлениями, изложенными в мудрых книгах, он почти всегда склонялся на сторону народа. Народный, *«мужицкий»* взгляд на те или иные действия и поступки и взгляд просвещенного человека, по мнению Крылова, резко разошлись, и между правдой народа и правдой личности, между морально народной

и моралью личной возникло трагическое противоречие. В баснях Крылов обозначил ситуацию, на разрешение которой положили свои жизни **Л. Толстой** и **Ф. Достоевский**.

Глава III. Басня как средство связи культур Востока и Запада

*Кто познал самого себя и других, тот признает:
Восток и Запад отныне неотделимы. (Гёте)*

Величайшим баснописцем древности был **Эзоп** (греческий баснописец), первое собрание басен которого было сделано около 300 года до н.э. Но басни Эзопа задолго до того расходились в устной передаче. От греков басни Эзопа перешли к арабам, евреям, индусам и до нового времени переводились и переделывались на всех языках, на каких только есть литература. Эзоп писал басни в прозе. В III в. до н.э. **Бабрий** переделал эти басни стихами. После Эзопа был известен, как баснописец, **Федр** (латин.) в I в. до н.э. давший, как переводы и переделки Эзопа, так и собственные басни в стихах. По образцу Федра писал басни римский писатель **Авиан** (в конце IV в.), ему подражал **Неккам** (конец XII в.), издавший сборник басен: *«Новый Авиан»*. В средние века (X в.) был очень популярен сборник басен под названием *«Эзоп»* (пересказы по Федру). Одна из самых распространенных редакций этого сборника носит название *«Ромул»*; он имеет весьма важное значение в истории басен. Одною из редакций *«Ромула»* является сборник *«Ремичий»* (конец XV в.). Этот сборник лег в основание книги басен **Штейнгевеля** (конец XV в.). Эта книга широко распространилась на немецком и затем на чешском языке. В начале XVI в. басни Штейнгевеля появились на этом языке и по латыни в новой редакции. Большое значение имел также сборник басен в стихах *«Аноним»* (конец XII в.), неоднократно в течение долгого времени переводимый на многие языки. На этом сборнике основана чешская книга басен (XV в.) и мн. др. В XIV в. книгу басен издал (по латыни) **Ник. Пергамен**, ему подражал польский писатель **Б. Папроцкий** (XVI в.). В начале XVI в. (1516 г.) появилась латинская переработка Эзопа, произведенная **Эразмом Роттердамским, Гурданом, Барландом** и другими учеными. Эта книга также имела важное значение в истории басни, вызвавши подражания на итальянском, французском и немецком языках. Влияние этой книги басен простирается вплоть до XIX в. В конце XVII в. (1672) вышли басни **Мартина Лютера**. В это же время жил знаменитейший баснописец XVII в. **Лафонтен** (франц.), вместе с **Эзопом и Федром** давший основу для дальнейших

баснописцев и сам воспринявший влияние этих древних творцов басни. XVIII век дал многих баснописцев на немецком, французском, итальянском и польском языках.

"Kalila wa-Dimna" ("Калила и Димна") является широко распространенным сборником восточных басен индийского происхождения, созданных на санскрите, вероятно, еще в III веке до нашей эры. Басни были переведены на арабский язык в VIII веке высокообразованным персидским писателем и влиятельным придворным **Ибн аль-Мукаффи**. До сих пор перевод аль-Мукаффы считается непревзойденным шедевром арабской художественной прозы, он лежит в основе многочисленных переводов на европейские и восточные языки, осуществленных в X—XIV веках. Явное влияние перевода аль-Мукаффы заметно в таких важных памятниках западной культуры, как **"Басни"** Лафонтена и **"Рейнеке-лис"** Гете. **"Kalila wa-Dimna"** представляет собой нечто вроде зеркала для королей. Вопросы общественной жизни и королевской мудрости рассматриваются на примере историй, происходящих в царстве зверей. Эта широко известная рукопись, созданная в Египте около 1310 г., вероятно, является самой древней из четырех сохранившихся арабских рукописей **"Kalila wa-Dimna"**, датированных XIV веком. Являясь одним из немногочисленных иллюстрированных арабских текстов, рукопись содержит 73 миниатюры, обладающих большой художественной ценностью, что делает ее важным памятником арабской школы украшения книг.

Источником историй является классическая восточная литература в переработке таких поэтов, как **Хафиз, Саади, Мовлана, Парвин, Этессами** и др.

Розовое масло ассенизатора

Ассенизатор, всю жизнь занимавшийся чисткой сточных канав города и перевозом нечистот на поля, пришел однажды на базар. К отвратительному запаху клоаки он привык с течением времени. Ему ничего не стоило весело ходить вдоль сточных канав и, не поморщившись, очищать самые глубокие ямы с нечистотами. Когда же этот славный человек, проходя по базарным рядам - там его еще никогда не видели, - подошел к прилавку торговцев розовым маслом, то аромат, приятный для каждого, подействовал на него так сильно, что ассенизатор упал в обморок. Как ни пытались привести его в сознание, все было напрасно. Тут появился лекарь. По одежде он узнал профессию больного, поднял с земли кусок помета и дал ему понюхать. Вдруг, будто по мановению волшебной палочки, ассенизатор открыл глаза. Люди, стоявшие вокруг, смотрели, разинув рот, на это чудо. Лекарь же произнес спокойно: "Этот человек никогда не знал

запаха розового масла. Его "розовое масло" сделано из другого вещества. Тот, кто не познал сути бытия, как может он понять, что такое суть бытия".

(По Саади)

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

*Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит; "Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно".
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.*

(Басня Крылова)

Сравнивая притчу и басню, можно отметить следующие особенности:

- 1) у Саади идёт повествование, у Крылова – стихотворная форма;
- 2) произведение восточного источника шире по масштабу: в притче использовано 116 слов, в басне – 38 слов.

Но назидательная часть и сюжет схожи. Крылов, в отличие от Саади, в качестве персонажа использовал животное. Петух олицетворяет ассенизатора (*Навозну кучу разрывая, Петух нашел Жемчужное Зерно (басня Крылова,)* Ему ничего не стоило весело ходить вдоль сточных канав и, не поморщившись, очищать самые глубокие ямы с нечистотами (*по Саади*)). В качестве розового масла выступает жемчужное зерно (*Его "розовое масло" сделано из другого вещества) (Саади)*).

А я бы, право, был гораздо боле рад Зерну ячменному: оно не столь хоть видно, Да сытно (Крылов).

Бабочки и огонь.

Три бабочки, подлетев к горящей свече, принялись рассуждать о природе огня. Одна, подлетев к пламени, вернулась и сказала:

- Огонь светит.

Другая подлела поближе и опалила крыло. Прилетев обратно, она сказала:

- Он жжётся!

Третья, подлетев совсем близко, исчезла в огне и не вернулась. Она узнала то, что хотела узнать, но уже не смогла поведать об этом оставшимся.

*Получивший знание лишается возможности говорить о нём, поэтому знающий молчит, а говорящий не знает **(По Саади)**.*

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,

Другая

Пустая.

Вот первая себе без шуму и шажком

Плетется,

Другая, вскачь несется;

От ней по мостовой и стукотня, и гром,

И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху жметя,

Ее заслышавши издалека

Но как та Бочка ни громка,

А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,

В том, верно, мало толку.

Кто делов истинно, - тих часто на словах.

Великий человек лишь громок на делах,

И думает свою он крепку думу

Без шуму

(Басня Крылова)

В этих произведениях несхожесть наблюдается не только в композиции, но и в сюжете. Их объединяет мораль (*Получивший знание лишается возможности говорить о нём, поэтому знающий молчит, а говорящий не знает (По Саади), Кто делов истинно, - тих часто на словах. Великий человек лишь громок на делах, И думает свою он крепку думу Без шуму (Басня Крылова)*).

Сопоставляя восточные притчи и басни Крылова, можно увидеть, что в первом случае произведение имеет повествовательный характер, а во втором произведении присутствует стихотворная форма. Но Восток использовал в своих притчах не только повествование, но и стихотворную форму. Например:

Бедуин и правоверный Али.

Некий бедуин пришел к повелителю правоверных Али - да будет щедрость Господа над его ликом,- сел и сидел молча, на его щеках проглядывали следы бедности и униженности.

Али спросил у него:

- Какая нужда привела тебя сюда?

Бедуин постеснялся сказать и на земле написал: "Я - бедный человек".

Али подарил ему два отреза материи, ничего другого у повелителя в тот момент не было. Бедуин из одного куска соорудил нечто вроде покрывала, а из другого - штаны и экспромтом сочинил несколько двустий, соответствующих его положению, совершенных и прекрасных.

Его величеству эмиру они очень понравились, и он одарил его еще тридцатью динарами, которые предназначались повелителям правоверных Хасану и Хусейну - да будет доволен ими Господь - и были при нем. Бедуин взял их и сказал:

- О повелитель правоверных, ты сделал меня богатейшим человеком в моем роду,- и ушел.

И повелитель сказал:

- Я слышал от Пророка - да благословит и спасет его Господь,- как сказал он: "Цена каждого человека равна благим деяниям и прекрасным речам его".

Цена человека не в золоте и серебре,

Цена человека в таланте, в его мастерстве.

Как много рабов, овладевших секретом ремесел,

Сегодня господ превосходят на десять голов.

Однако хватает у нас и господ белоручек,-

На много ступеней стоят они ниже рабов.

Лафонтен — первый баснописец Нового времени. До него существовали только переводы басен восточных сборников и Эзопа, появлялись подражания им в стихах и прозе. Под пером Лафонтена родилась новая басня. Краткая, поучительная притча засверкала живыми характерами, стала маленьким театральным представлением, разыгранным веселыми актерами. И это представление не утратило первоначальной простоты, иносказательности и при всей своей незатейливости сохранило глубокую мудрость. Из новых баснописцев только **И. А. Крылов** освоил жанр, созданный Лафонтеном, и даже во многом превзошел его.

Пустынный и Медведь. — Переработка басни Лафонтена «Медведь и любитель садов», сюжет которой заимствован французским баснописцем из басни индусского философа и баснописца Пильпая («О садовнике и медведе»). Первоначальный сюжет, от которого отступили и Лафонтен, и Крылов, развивался следующим образом: «Какой-то

садовник так любил сады, что удалился от человеческого общества и предался единственно заботам о своих деревьях. Он был одинок, а потому ему наскучило жить в уединении; вследствие этого он решился идти искать общества. Прогуливаясь однажды у какой-то горы, он увидел медведя, вид которого привел его в ужас. Но этому зверю также наскучило быть одному, и он сошел с своей горы с тем же намерением, как и садовник. Лишь только они увидели друг друга, то почувствовали взаимную любовь. Медведь весьма учтиво поклонился садовнику, а тот знаками пригласил его следовать за ним и, придя в сад, угостил его лучшими плодами. С этого времени они не разлучались. Когда садовник, утомясь от работы, ложился спать, то медведь отгонял мух, опасаясь, чтобы они его не разбудили. Однажды садовник заснул под тенью дерева, а медведь по обыкновению отгонял мух. Заметив, что одна из них села садовнику на рот, он согнал ее; но вместе с тем разбил череп своему другу». Отсюда выводилась мораль: «Лучше иметь разумного неприятеля, чем глупого друга». Главная трудность в этой басне — мотивировать отношения человека с животным. Первоначальные сюжеты изображают эти отношения равноправными: садовник и медведь предлагают друг другу узы дружбы как равный равному. Лафонтен нарушил равноправие отношений и тем самым несколько поступился правдоподобием всего рассказа. И. А. Крылов, по словам В. Кеневича⁹, заменив лафонтеновского любителя садов пустынным человеком безродным, одиноким, живущим вдали от города, в глуши, «уже самую неопределенностью этих выражений дал волю воображению читателя перенести действие в такую эпоху и в такую местность, в которых дружественные отношения между человеком и животным могли представляться возможными». В. А. Жуковский в своем разборе басни отметил, что некоторые стихи Крылова несравненно лучше стихов Лафонтена. Приведя стихи из басни («Пустынный был сговорчив, лег, зевнул... <...> ...У друга на носу»), В. А. Жуковский писал: «Стихи летают вместе с мухой. Непосредственно за ними следуют другие, изображающие... медлительность медведя; здесь все слова длинные, стихи тянутся:

*Вот, Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: „Молчи ж, уж я тебя, воструху!“—
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнем в лоб!*

---

⁹Кеневич В.Ф. Биографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., Новый мир, 1998, стр.23

Все эти слова: Мишенька, увесистый, булыжник, корточки, переводит, думает, и у друга, подкарауля, прекрасно изображают медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами следует быстрое полустихие:

Хвать друга камнем в лоб.

*Это молния, это удар! Вот истинная живопись, и какая противоположность последней картины с первой»*¹⁰. До И. А. Крылова тот же сюжет был разработан А. П. Сумароковым («Друг Невежа»), Н. Смирновым и анонимными баснописцами. После И. А. Крылова басню перевел Д. И. Хвостов («Медведь и Огородник»).

Выводы по главе III

В каждом народе есть свои басенные сюжеты. Что такое басня, каждый из нас знает с детства. Басня характеризуется как небольшой рассказ, часто стихотворение, в котором есть заключительное нравоучение - краткая мораль. Как правило, основными героями являются животные, наделенные человеческими качествами. Басня на востоке называлась *масал*. *Масал* – арабское слово, которое даёт значение «образец, схожесть, приведение примера».

Изучению жанра басни посвящены многие труды известных филологов. Сравнением текстов басен И.А.Крылова «*Стрекоза и муравей*» и Л.Н.Толстого «*Стрекоза и муравьи*», также Сидкия Хондайликий «*Булбул ва чумолилар*» («*Соловей и муравьи*») мы можем отметить сходство и дифференциацию между ними. Басня Крылова знакома каждому, а аналогичные басни Толстого и Сидкия Хондайликий станут для многих открытием. В басне «Стрекоза и муравьи» Л.Н.Толстого сюжет такого характера: Осенью у муравьев подмокла пшеница: они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: «Что ж ты летом не собрала корму?». Она сказала: «Недосуг было: песни пела». Они засмеялись и говорят: «Если летом играла, зимой пляши». Сюжет басни И.А.Крылова о стрекозе и муравье, которая начинается этими строками:

*Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза...*

---

¹⁰ В.А. Жуковский. Полное собрание сочинений. Т.V. М.,1997, стр. 75

поэт заимствовал у Лафонтена, к которому она пришла от греческого баснописца Эзопа. Басни Эзопа были написаны прозой, остроумно, ясно и просто. У Лафонтена басня с этим сюжетом носит название *«Цикада и муравей»*. Цикада – насекомое, которое характерно для Средиземноморья, так же как для нашей местности стрекоза. Стрекоза – насекомое, адаптированное под русского читателя, понятное ему и узнаваемое, ведь Крылов заботился о том, чтобы его басни были доступны для простого читателя, не обремененного знанием высокого стиля. Основана такая переводческая трансформация на сходстве этих насекомых, они оба стрекочут, «поют», перелетают с цветка на цветок. Хочется сказать так же, что в подлиннике Стрекоза - Цикада и Муравей женского пола, эта особенность не соблюдается ни у Крылова, ни у Толстого. Однако это отличие усиливает разницу между *«русскими»* Муравьем и Стрекозой, между тружеником и беспечной певуньей.

В творчестве узбекского поэта Сидкий Хондайликий встречается басня такого характера, но форма басни другая. Сидкий излагает такое действие: В одном саду жили соловей и муравей соседями. В летние времена соловей напевал, а муравьи собирали пшеницу. Когда наступила зима, соловей проголодался и подошел к настоящему соседу, муравью, как бы нищим. А муравьи в ответ сказали: *«Соловей, если ты тоже работал, как мы, на солнце и накопил бы еды, такого не случилось бы»*. После этого рассказа продолжается дидактические, назидательные слова автора на стихотворном порядке. Даже не посвященному в секреты литературоведческого анализа читателю видно, что Крылов пишет в стихотворной форме, а Толстой в прозаической. У Сидкий Хондайликий басня создана в обеих формах: прозаической и стихотворной. Кроме того, заметна разница в объеме произведений. Заметим, что басня Толстого насчитывает 38 слов, тогда как Крылова 141 слово, практически в 4 раза больше, а у Сидкий 44 строк; 105 слов. Обратим внимание так же на то, какой развернутый рассказ получился у Крылова, он изобилует поэтическими средствами выразительности, которые органично вплетены в повествование. Басня Толстого больше похожа в этом плане на притчу, однако, сам автор позиционирует это произведение как басню. На наш взгляд, оба эти произведения являются именно баснями, в них есть как повествовательная часть, так и мораль, не смотря на то, что произведение Толстого значительно короче и менее поэтично. Басня Сидкий выделяется особенностью тем, что в нем главенствует мораль, потому что в начале XX века, из-за господства царизма Руси, были кризисы в духовной жизни.

В басне *«Соловей и муравьи»* автор даёт советы молодым поколениям, в стихотворной части, объясняет, что человек, не имеющий ремесло, самый худший.

Создателем русской классической басни с ее реалистичностью, психологизмом и близостью к народу является И.Крылов. После Крылова почти на протяжении столетия в России не было басен как стихотворного поэтического жанра. Отдельные попытки поэтов и сатириков 60-х годов писать басни не дали заметных результатов. Рассмотрим в соответствующем контексте и представленные басни. У Толстого мы видим лишь схематично описанную ситуацию и мораль, которая больше похожа на «комментирующую реплику» (Гаспаров) в конце повествования. «*Стрекоза и муравьи*» Толстого по построению подходит под описание «упрощенной басни» (Гаспаров) . Следовательно, на основе представленных рассуждений, можно говорить о том, что басня «*Стрекоза и Муравей*» И.А.Крылова более близка к классической модели, описанной Гаспаровым. Вариативность же, отступление от схемы, мы можем наблюдать в басне Толстого. Таким образом, мы так же видим, насколько отличаются интерпретации разных авторов одной и той же темы, заданной еще древним баснописцем Эзопом.

Отсюда следует, что родина басни - Восток, сюжеты басен трансформировались с Востока на Запад и через века опять перемещались с Запада на Восток. К какому периоду ни относился бы баснописец, в его баснях основным было иносказательное отображение жизни, а также критическое раскрытие жизненных, социальных пороков и недостатков.

Заключение

В каждом народе есть свои басенные сюжеты. Что такое басня, каждый из нас знает с детства. Басня характеризуется как небольшой рассказ, часто стихотворение, в котором есть заключительное нравоучение - краткая мораль.

Филологов XIX в. долго занимала полемика о приоритете греческой или индийской басни. Теперь можно считать почти несомненным, что общим истоком материала греческой и индийской басни была древнейшая шумеро-вавилонская басня. Однако материала об этих баснях отыскать не удалось, поэтому, присоединяясь к мнению большинства учёных, нужно начинать проследивать историю возникновения жанра с античности.

В Греции все басни обычно приписывали Эзопу, (середина VI в. до н.э. – наиболее известный древний баснописец), чьи произведения стали классическими и неоднократно переводились на языки мира. Их сюжеты послужили основой для творчества многих литераторов последующих эпох. Эзоп – полупоупендарная личность, о жизни которого ходило много рассказов, в которых смешивались правда и вымысел. Традиционно его родиной называют Фригию – область в Малой Азии. Басни Эзопа стали одним из самых

популярных произведений в античном мире. Их сюжеты оказали влияние на *сирийскую, армянскую, арабскую, еврейскую, индийскую* литературу.

В Индии некоторые буддийские рассказы, относящиеся к жанру джатака, напоминают греческие басни; без сомнения, индийская и греческая традиции кое-что заимствовали друг у друга. *«Панчатантра»* – сборник коротких рассказов (большая часть о животных), объединенных изысканной рамочной композицией, была написана как наставление для царевичей. Традиция называет автором этой книги мудреца **Вишнушармана**, написавшего ее для обучения царских сыновей. Животные, действующие в «Панчатантре», олицетворяют различные человеческие качества. Предполагается, что на таких доступных примерах Вишнушарман должен был знакомить принцев с жизнью разных слоев общества и с различными ситуациями, выпадающими на долю людей. Около 1270 года еврейская версия «Панчатантры» была переведена **Иоанном Капуанским** на латинский язык. Благодаря его книге *«Руководство для человеческой жизни» (Directorium Vitae Humanae)* европейцы познакомились со многими восточными баснями.

Ранний Индийский эпос — *«Махабхарата»* и *«Рамаяна»* содержат басни как вставные элементы в основной сюжет.

От *притчи* или *аполога* басня отличается законченностью сюжетного развития. **Аполог** отличается краткостью, а **притча** чаще всего прозаична и в большей степени дидактична.

Надо заметить, что применительно к литературе до XIX века наименования притча, аполог, басня употреблялись как синонимы. Например, *басни Сумарокова* традиционно именуют притчами.

Безусловно, самым знаменитым из западноевропейских баснописцев является **Жан де Лафонтен** (1621-1695). Этот французский поэт большую часть своей жизни провел в Париже, пользуясь благами, предоставлявшимися ему знатными вельможами. Одно время Лафонтен был близким другом реформаторов французской литературы — драматургов **Мольера и Расина** и поэта и теоретика **Буало**, что, несомненно, повлияло на его литературные взгляды. Впервые его сочинения были изданы в 1668 под названием *«Басни Эзопа»*, переложенные в стихах господином де Лафонтеном.

Триумф русской басни связан с именем **И. Крылова**. Обращение Крылова к теме Востока уже заметно в журнале *«Зритель»*. Восточная повесть *«Кайб»*, помещенная в двух книжках, есть не только лучшая из шести крыловских статей в «Зрителе», но и вообще лучшее, что когда-либо было им написано прозой.

Перелом в литературной деятельности Крылова, вскоре направивший ее на другой путь, совершился в 1805 году. Он встретил в Москве И. И. Дмитриева и показал ему 2 или 3 басни, переведенные из Лафонтена; это были: *«Дуб и трость»*, *«Разборчивая невеста»* и, может быть, также *«Старик и трое молодых»*. По словам Лобанова, Дмитриев сказал Крылову: *«это истинный ваш род; наконец, вы нашли его»*; совет был принят и будущее доказало его справедливость. Уже в 1811 г. он выступает с длинным рядом совершенно самостоятельных (из 18 басен 1811 г. документально заимствованных только 3) и часто поразительно смелых пьес.

"Kalila wa-Dimna" (*"Калила и Димна"*) является широко распространенным сборником восточных басен индийского происхождения, созданных на санскрите, вероятно, еще в III веке до нашей эры. Басни были переведены на арабский язык в VIII веке высокообразованным персидским писателем и влиятельным придворным **Ибн аль-Мукаффи**. До сих пор перевод аль-Мукаффы считается непревзойденным шедевром арабской художественной прозы, он лежит в основе многочисленных переводов на европейские и восточные языки, осуществленных в X—XIV веках. Явное влияние перевода аль-Мукаффы заметно в таких важных памятниках западной культуры, как *"Басни"* Лафонтена и *"Рейнеке-лис"* Гете. *"Kalila wa-Dimna"* представляет собой нечто вроде зеркала для королей. Вопросы общественной жизни и королевской мудрости рассматриваются на примере историй, происходящих в царстве зверей. Эта широко известная рукопись, созданная в Египте около 1310 г., вероятно, является самой древней из четырех сохранившихся арабских рукописей *"Kalila wa-Dimna"*, датированных XIV веком. Являясь одним из немногочисленных иллюстрированных арабских текстов, рукопись содержит 73 миниатюры, обладающих большой художественной ценностью, что делает ее важным памятником арабской школы украшения книг.

Арабская версия книги попала в Европу благодаря ее переводу в XI в. на греческий язык. В греческом варианте книга называлась *«Стефанит и Ихнилат»* — то есть Следопыт и Увенчанный. Это был не совсем точный перевод арабских имен «Калилы и Димны».

Греческий текст через Византию проник в восточно-европейские страны, и, в частности, был известен в Древней Руси. В XIII в. *«Калила и Димна»* была переведена на испанский и древнееврейский языки, позже — на латинский и немецкий, в XVI в. — на английский и французский. Сюжеты индийских басен стали известны европейцам и неоднократно использовались баснописцами нового времени.

В эту же эпоху на Ближнем Востоке получают распространение басни, входящие в сборник *«Тысяча и одна ночь»*.

Источником историй является классическая восточная литература в переработке таких поэтов, как **Хафиз, Саади, Мовлана, Парвин, Этессами** и др.

В плане сопоставления западных и восточных басен можно выделить притчу *“Розовое масло ассенизатора”* (по Саади) и басню Крылова *“Петух и жемчужное зерно”*. Анализ обоих произведений выявил ряд общих черт как в сюжете, так и в дидактической части (морали) и других особенностях.

Сюжеты басен трансформировались с Востока на Запад и через века опять перемещались с Запада на Восток. К какому периоду ни относился бы баснописец, в его баснях основным было иносказательное отображение жизни, а также критическое раскрытие жизненных, социальных пороков и недостатков.

Начиная с середины – второй половины XIX в. жанр басни встречается все реже как в России, так и в Западной Европе. Нравоучительно-иронические повествования, аллегорические образы, мораль, завершающая рассказ, — все эти черты басенного жанра начинают казаться устаревшими.

К сожалению, с конца XIX века жанр басни утрачивает свою популярность и значимость, резко сократилось число авторов, обратившихся в своём творчестве к этому древнейшему жанру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. Каримов И. А. По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6, Т. 1998
2. Каримов И. А. Свое будущее мы строим своими руками. Т. 7, Т. 1999
3. Каримов И. А. На пути к справедливому обществу. Т. 1999
4. Каримов И. А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Т. 8, Т. 2000
5. Каримов И. А. "Узбекистан, устремленный в XXI век". Т., 2000
7. Каримов И. А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. Т. 9, Т. 2001
8. Каримов И. А. Справедливость – в приоритете закона. // Народное слово. 2001.

9. Каримов И. А. Процессы преобразований и обновления необратимы. // Народное слово.

2002. 5 апреля

10. Каримов И.А. За безопасность и мир надо бороться. Т. 10, Т. 2002

11. Каримов И. А «Наша главная цель - демократизация и обновления общества, реформирования и модернизация страны» Т., Узбекистон, 2005

12. Каримов И.А. «Обеспечение интересов человека, совершенствование системы социальной защиты – наша приоритетная задача» Т., Узбекистон, 2007

II

Абдуллаева Д., Аналогичность басенных сюжетов в русской и узбекской литературе // «Русская литература и Восток». Андижан, 2010. стр. 75

1. Виноградов В.В. Язык и стиль басен Крылова. – В кн.: В.В. Виноградов. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1992.

2. Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова. М., Дрофа, 1995.

3. И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., Дрофа, 1992.

4. Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. СПб., Новый мир, 1995.

5. Кеневич В.Ф. Биографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., Новый мир, 1998.

6. Коровин В.И. Басни Ивана Крылова. М., Эскимо, 1997.

7. Коровин В.И. Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове. М., Эскимо, 1996.

9. Степанов И. И.А. Крылов. Жизнь и творчество. М., Просвещение, 1999.

10. Степанов И.Л. Мастерство Крылова-баснописца. М., Просвещение, 1996.

11. В. Кеневич. Материалы для биографии И. А. Крылова. Сборник Отделения русского языка и словесности, т. VI, 1998 стр. 337—338.

12. М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, М., Щелкунчик, 1999, стр. 121.

13. Вестник Европы, 1992, № 4, стр. 305.

14. П. А. Вяземский. М., Старая записная книжка, , 1999, стр. 68.

15. Современник, Просвещение т. IX, 1998, стр. 58.

16. Ашукин Н.С., Ашукин М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Правда, 1996.

17. Басни Эзопа / Пер., статья и коммент М.Гаспарова. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1992.

18. Эзоп. Басни. – Москва: Эскиммо, 2009. – с.8.